

VI Толстовские правовые чтения

Сборник докладов

2021 год

Тульское региональное отделение
общероссийской общественной
организации «Ассоциация юристов
России»

Ясная Поляна

Государственный мемориальный и
природный заповедник «Музей-
усадьба Л.Н. Толстого «Ясная
Поляна»

Муниципальное учреждение
культуры «Тульская библиотечная
система», Центральная городская
библиотека им. Л.Н.Толстого

Институт законовeдения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации

МУК «Тульская библиотечная система»
Центральная городская библиотека им. Л.Н. Толстого

VI Толстовские правовые чтения

Сборник докладов

Тула, 2021

VI Толстовские правовые чтения: сборник докладов / МУК «Тульская библиотечная система», ЦГБ им. Л. Н. Толстого; сост. О.Е. Веденеева; дизайн Е. А. Иванова. – Тула: [б.и.], 2021. – 90 с.

Вступление

Уважаемые читатели!

Ситуация, сложившаяся в прошедшем году, к сожалению, не позволила провести VI Толстовские правовые чтения в обычные сроки.

Однако отступить от традиций оргкомитет не считает возможным. Данное издание сформировано на основе материалов, присланных для участия в чтениях.

2021 год ознаменован важным не только для туляков, но и для всех поклонников творчества Л.Н. Толстого, событием: музею-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» исполняется 100 лет. Наши чтения можно с полным основанием посвятить этой юбилейной дате.

2020 год – год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне – стал историей, но проблемы патриотизма, борьбы за мир, сохранение исторического наследия не утрачивают актуальности, оказывая влияние на содержание докладов и презентаций: Л.Н. Толстой – воин и патриот, музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» в период оккупации (октябрь - декабрь 1941 года).

Своеобразие взглядов Л.Н. Толстого на право, его связи с правовой действительностью XIX столетия, деятельность семьи Толстых по реализации права голодающих крестьян на жизнь – вопросы, которые предложили обсудить авторы сообщений. Участники чтений познакомились с новыми исследованиями В.Н. Чисникова, д.ю.н., постоянного участника чтений, с материалами О.Г. Сурмачева, адвоката, обнаружившего первоисточник публикации речи Л.Н. Толстого в защиту рядового В. Шабунина.

2020 - 2021 годы – Годы культурных обменов между Российской Федерацией и Республикой Кореей. Вызывают интерес отношение корейцев к Л.Н. Толстому, особенности освоения его наследия жителями Корейского полуострова. Эта проблематика также получила освещение в материалах чтений.

Надеемся, материалы сборника представляют интерес для всех, кого волнует правовой аспект творческой и общественной деятельности Л.Н. Толстого.

Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна»

В самом центре средней России с ее неброской, но удивительно трогательной природой, расположена яснополянская усадьба – такая же скромная, но прекрасная и величественная в своей простоте.

В Ясной Поляне родился и прожил большую часть своей жизни Лев Николаевич Толстой. Здесь начинался его собственный мир, здесь рождался мир его произведений и героев. Здесь были написаны многие главы романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», повести «Поликушка», «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей», «Хаджи-Мурат», многочисленные статьи и рассказы.

Первые сведения о Ясной Поляне относятся к 1652 году. С середины XVIII века усадьба принадлежала предкам писателя по материнской линии князьям Волконским. На протяжении XVIII и XIX столетий здесь создавался уникальный усадебный ландшафт – парки, сады, живописные аллеи, пруды, богатая оранжерея, был создан архитектурный ансамбль, включавший большой барский дом и два флигеля. Решающую роль в развитии усадьбы сыграл дед Льва Николаевича князь Николай Сергеевич Волконский.

Дочь и наследница князя Мария Николаевна после смерти отца вышла замуж за графа Николая Ильича Толстого. В их семье родилось пятеро детей: сыновья Николай, Сергей, Дмитрий, Лев и дочь Мария. Младший из сыновей и будущий писатель появился на свет 28 августа 1828 года по старому стилю. И отец, и мать будущего писателя рано ушли из жизни. Мария Николаевна Толстая умерла в 1830 году, через девять лет скончался Николай Ильич. Опекуншей детей сначала стала жившая с ними тетушка, сестра Николая Ильича Александра Ильинична Остен-Сакен, а после ее смерти в 1841 году – другая тетушка, Пелагея Ильинична Юшкова. Она увезла племянников в Казань, где жила со своим мужем. В Ясную Поляну Толстой вернется – уже хозяином – лишь в 1847 году, оставив учебу в Казанском университете.

В 1847 году произошел раздел родительских имений между братьями Толстыми. *«По обычаю как младшему в семье мне отдали имение, в котором жили – Ясную Поляну»*, – пишет Лев Николаевич. Он сразу же решает круто изменить свою жизнь и обосноваться у себя в деревне. Как и герой повести «Утро помещика» Дмитрий Нехлюдов, девятнадцатилетний Толстой всей душой стремится *«посвятить себя жизни в деревне»*, потому что чувствует, что *«рожден для нее»*.

Но уже первые предприятия вызывают разочарования. Все получается не так, как он ожидал, и крестьяне с недоверием относятся к начинаниям молодого барина. Разочаровавшись в стремлении делать добро, он отправляется на военную службу.

В конце 1850-х годов Толстой вышел в отставку и вернулся в Ясную, хотя и не жил там постоянно, много времени проводя в Петербурге и Москве. Он поселился в одном из флигелей, ставшем со временем домом для него и его семьи – в нем он прожил более 50 лет. Вместе с ним в новый дом переехали старая мебель, книги, прадедовские зеркала XVIII века, фамильные портреты. Именно этот дом сегодня известен как Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Все предметы здесь являются подлинными. Личная библиотека Толстого, насчитывающая более 22 тысяч книг, находится под охраной ЮНЕСКО.

23 сентября 1862 года Лев Николаевич женился на дочери московского гоф-медика Софье Андреевне Берс. Жизнь молодых большей частью проходила в Ясной Поляне, где молодой графине поначалу было нелегко освоиться. Постепенно она сумела стать настоящей хозяйкой усадьбы, и вскоре женская рука стала чувствоваться здесь во всем: дом стал уютнее и удобнее, вокруг него появились нарядные цветники.

Все больше внимания хозяйству уделял и Лев Николаевич. Он расширил дедовский яблоневый сад. Постепенно площадь яснополянских садов выросла в 4 раза и превысила 40 гектаров. Всего в Ясной Поляне было посажено пять садов: Красный, Молодой и Старый, а также сады у Дома Волконского и у Большого пруда.

Сады давали устойчивый доход имению. Их всегда

сдавали в аренду съемщикам за цену от двух до пяти тысяч в год, а часть яблок по условиям договора оставляли себе.

Еще более масштабными оказались лесные посадки Толстого. До него яснополянские леса представляли собой участки старого лесного массива. Их старинные названия сохранились до сих пор: Чепыж, Старый заказ, Арковский верх. Лесоводческая деятельность Толстого значительно расширила лесные массивы Ясной Поляны; вновь появившиеся леса не только украсили собой усадьбу, но и принесли несомненную практическую пользу: закрепили расползающиеся склоны многочисленных оврагов. Кроме того, земли в районе Ясной Поляны были весьма бедными, и выгоднее было посадить здесь леса. В общей сложности лесные посадки в Ясной Поляне занимают огромную площадь – 254 гектара.

С 1860-х годов начал изменяться и яснополянский дом Толстых: отныне он рос вместе с семьей. За годы брака у Толстых родилось 13 детей. Пятеро из них умерли в раннем детстве, до зрелого возраста дожили восемь – сыновья Сергей, Илья, Лев, Андрей, Михаил и дочери Татьяна, Мария и Александра. К центральной части дома – нескольким комнатам, расположенным анфиладой - в разные годы добавлялись пристройки.

В 1881 году Толстые купили дом в Москве. Выросли старшие дети, им нужно было продолжать образование, дочерям нужно было выезжать. Теперь зимы семья проводила в Москве. Однако город тяготил писателя, ему была необходима «ванна деревенской жизни». Весной он стремился поскорее вернуться в Ясную Поляну, где ему так хорошо дышалось и работалось. В последние годы Толстой уже не переезжал на зиму в Москву, предпочитая покой и уединение Ясной.

К тому времени яснополянская усадьба уже не принадлежала Льву Николаевичу. Еще в 1892 году он, в соответствии со своими взглядами, отказался от собственности и разделил все, чем владел, между наследниками. Ясную Поляну получили Софья Андреевна и совсем еще маленький младший сын Ванечка, впоследствии умерший от скарлатины (в 1895 году, в семилетнем возрасте).

В последние годы жизни Толстого атмосфера дома изменилась; семейный разлад омрачил жизнь его обитателей. 28 октября 1910 года Лев Николаевич покинул Ясную Поляну навсегда. 9 ноября 1910 он был похоронен на краю оврага в лесу Старый Заказ.

После смерти Толстого хозяйкой Ясной Поляны до 1919 года оставалась Софья Андреевна. В 1911 г. она дважды обращалась к Николаю II с просьбой принять Ясную Поляну под охрану государства, но получала отказ. Было решено назначить вдове писателя пенсию, которая отчасти шла на содержание усадьбы. С. А. Толстая всеми силами и средствами старалась хранить Ясную Поляну, оберегая неприкосновенность кабинета и спальни мужа, обстановки всего дома; ею были сделаны многочисленные записи на предметах быта и фотографиях, при ее участии началось описание личной библиотеки Л. Н. Толстого. Она привела в систему хранившиеся в усадьбе письма и оказывала помощь исследователям, работавшим над биографией писателя.

В 1921 году в Ясной Поляне был открыт музей, основной миссией которого является распространение творческого наследия писателя. Музей входит в число особо ценных объектов культурного наследия Российской Федерации и, безусловно, является одним из уникальнейших мемориальных музеев мира.

На данный момент Ясная Поляна – это крупный музейный комплекс, признанный культурный центр мирового значения. Помимо толстовского музея, в него входит целая сеть филиалов. Но его центром по-прежнему остается усадьба – настоящая, «живая», именно такая, какой ее знал и любил Толстой. Здесь сохраняются многие виды хозяйственной деятельности: в огромных садах собирают яблоки, пасека приносит мед, радуют глаз грациозные лошади...

Башни въезда

Аллея Преишпект

Дом Волконского

Большой пруд

Дом Л.Н. Толстого

Флигель Кузминских

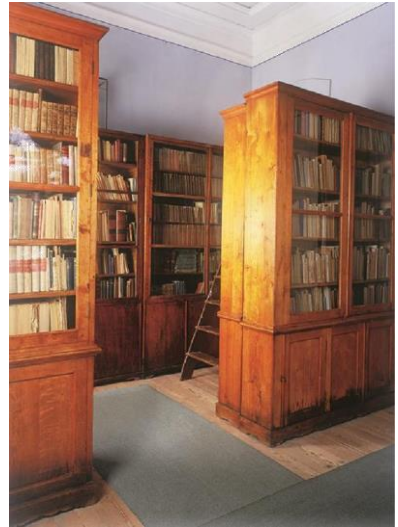
Кучерская изба

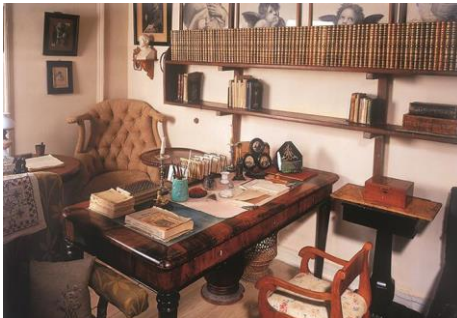
Любимая скамейка писателя

Зала

Библиотечная

Кабинет

Комната под сводами

Передняя

Нижний пруд. Березовый мостик

Средний пруд с купальной

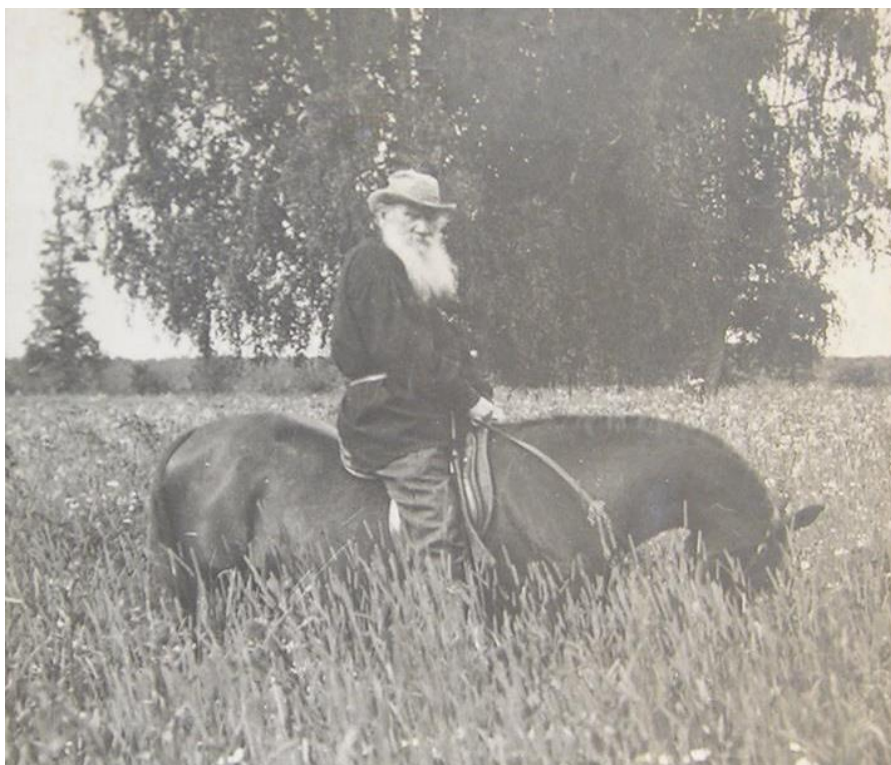
Сад

Л.Н. Толстой и С.А. Толстая в кругу семьи. 1-8 сентября 1892 г.

Л.Н. Толстой 1896 г.

Л.Н. Толстой верхом. Фото В.Г. Черткова. 28 июня 1908 г

Оккупация (29 октября -14 декабря 1941 года)

14 декабря 1941 года советские войска освободили Ясную Поляну от немецкой оккупации. Усадьба была во власти немцев 47 дней — с 29 октября.

24 октября 1941 года началась Тульская оборонительная операция, главной задачей которой для советских войск было отражение наступления 2-й танковой армии под командованием генерала Гудериана. Противник наступал с юга и подошел к Туле вплотную, взяв город в полукольцо и захватив прилегающую территорию.

«В 10 часов утра на усадьбу приехала первая машина с тремя немецкими офицерами, — писал 30 октября 1941 года хранитель музея Сергей Щеголев. — Они потребовали открыть музей и показать им помещение, удобное для устройства госпиталя... <...> Вечером был занят дом Волконского под госпиталь. Заняли также все подсобные помещения, контору, столовую».

31 октября немцы потребовали открыть Литературный музей (*Флигель Кузминских*) и очистить его от мебели для устройства еще одного госпиталя.

«В Литературном музее — полевой перевязочный пункт, на что указывает наскоро сделанная доска-указатель», — пишет экскурсовод Мария Щеголева.

Позднее госпиталь свернули, в Литературном музее расставили мебель для квартиры большого генерала, в Доме Волконского устроили квартиры и клуб офицеров. **С 25 ноября по 10 декабря** усадьба превращается в проходной двор. Одна часть сменяет другую. Немцы бегут из-за близости Красной армии.

Эти, казалось бы, недолгие **47 дней** запомнились усадьбе небывалыми разрушениями и потерями. Но вместе с тем не все, что говорят об этих днях сейчас — правда. Ниже мы приводим главные мифы об оккупации Ясной Поляны и документальные ответы на них.

Миф №1

Вещи Льва Толстого были украдены/уничтожены во время войны.

Реальность.

В архиве музея сохранилось письмо Софьи Андреевны Толстой-Есениной (*директор яснополянского музея с 1941 по 1953 годы*), написанное в Совет Народных Комиссаров летом 1941 года. В нем сказано: «Приближение фронта к Тульской области и почти ежедневные бомбардировки Тулы и окружающих местностей близ Ясной Поляны ставят в угрожающее положение материалы мирового культурного значения. Личные вещи Л.Н. Толстого, портреты работы Репина, Крамского, Серова и других великих русских художников и библиотека Толстого, содержащая его пометки, — составляет груз в 120 ящиков. Для вывозки этих вещей необходим один вагон...». Сознывая большую историческую и культурную ценность яснополянских экспонатов, тульские власти решают музей эвакуировать.

К вечеру 9 октября 1941 года в два вагона было погружено 14 ящиков с вещами Дома Толстого, 87 ящиков с книгами личной библиотеки писателя. Включая дополнительные ящики с разными материалами и документацией, на восток отправилось 110 ящиков.

Однако часть экспозиции — крупные и громоздкие вещи, мебель, некоторые документы и фотографии остались в Ясной Поляне.

3 ноября оккупанты потребовали освободить от вещей пять комнат Дома Толстого: кабинет, спальню, гостиную, библиотечную и секретарскую.

Вещи были помещены в зал, который был опечатан.

14 ноября хранитель музея записал в дневнике: «Все шкафы взломаны, несмотря на то, что нам все время твердили, что ни один немецкий солдат ничего не возьмет...».

«Внизу увидели, что топят печи столом из буфетной, нет и вешалки одной в передней... — записала Мария Щеголева. — Обращаемся к солдатам, чтобы не жгли мебель, — говорят, что начальство разрешило. Подобрали кое-что... и втиснули в залу, куда как-будто еще не залезли немцы». В зал были перенесены и остатки экспозиции Литературного музея.

После освобождения музея комиссия Академии наук СССР составила акт (*«Акт Комиссии Академии наук СССР о немецко-фашистских злодеяниях в Ясной Поляне от 27 декабря 1941 года»*) о состоянии Ясной Поляны:

«Заняв комнаты бытового музея (*Дом Толстого*) и комнату старшего сына Толстого — Сергея Львовича Толстого, фашисты путем отмычек взломали замки от запертых столов и шкафов; тут же было похищено из шкафа седло Л.Н. Толстого, которым он пользовался при верховой езде до самого своего ухода из Ясной Поляны, и одежда крестьян района Ясной Поляны разных эпох, имеющая этнографическое значение».

За период оккупации из почти 40 тысяч мемориальных предметов (большая часть находилась в эвакуации) были утрачены лишь единицы. Во многом это заслуга сотрудников — хранителя музея Сергея Ивановича Щеголева и его сестры Марии, работавшей в Ясной Поляне экскурсоводом, которые каждый день приходили в оккупированный музей и буквально отвоевывали вещи у разорителей.

Зал в яснополянском Доме с остатками экспозиции

Миф №2

Во время оккупации Дом Толстого превратили в конюшню.

Реальность.

На третий день оккупации, 31 октября на двери Дома Толстого была вывешена надпись «Betreten verboden» («Вход воспрещен»). 1 ноября через Дом Толстого прошел Гудериан: «генерал был очень нетерпелив и не задерживался ни в одной из комнат», — отметила Мария Щеголева. На другой день Дом Толстого посетило около 50 человек немецкого командного состава.

«Если бы год тому назад, в день торжественной 30-летней годовщины представить себе в воображении, во что превратится вся усадьба... то каким кошмарным бредом

показалось бы все это. А это теперь самая реальная действительность: ...дом Толстого — казарма с ружьями, пулеметами, в одной комнате — парикмахерская, солдаты бреются, стригутся, чистятся.

*«Комната под сводами»
после ухода фашистов*

В другой комнате сапожная мастерская, кругом мусор, отбросы...», — записал в дневнике Сергей Щеголев 20 ноября 1941 года.

«Знаменитую комнату со сводами, где писалась „Война и мир“, немецкие офицеры превратили в курилку», — 16 декабря 1941 года писала газета «Красная звезда», чей корреспондент побывал в Ясной Поляне после ее освобождения.

Вместе с тем конюшня, устроенная немцами на территории усадьбы, и правда была. Располагалась она в нескольких десятках метров от Дома Толстого — в павильоне — голубом здании, где когда-то гостили художники Илья Репин и Николай Ге.

Миф №3

Могилу Толстого взорвали/вскрывали немцы

Реальность.

20 ноября 1941 года, в День памяти писателя, небольшая группа сотрудников музея и жителей Ясной Поляны тайком пришла к могиле Льва Толстого. Их глазам предстал лес березовых крестов, окружавших место, где похоронен Толстой.

Хоронить своих умерших возле могилы писателя немцы начали практически сразу, как заняли усадьбу — 31 октября. Более того, рядом с могилой Толстого была оставлена «груда не похороненных фашистских трупов».

По воспоминаниям Сергея Ивановича Щеголева, «крестьяне, под угрозой штыков немецких солдат, разрывают землю буквально рядом с могилой писателя».

Немецкое кладбище у могилы Л.Н. Толстого

Спустя почти месяц после освобождения имения, 8 и 9 января 1942 года тела были вырыты и вывезены с территории музея. Всего было насчитано 83 тела, которые захоронили за рекой Воронкой в двух ямах от взрывов фугасных бомб. Впоследствии тела были перезахоронены в Туле.

20 мая 1942 года территория у могилы Толстого была приведена в порядок: был очищен лес, обложена дерном могила, заровнены провалы, оставшиеся от немецких захоронений.

Миф о том, что могила Толстого была заминирована, родился из заявления германского информбюро, сделанного в январе 1942 года, в котором немцы пытались опровергнуть ноту Советского правительства о грабеже и разбое оккупантов в Ясной Поляне. Среди прочих утверждений Германия заявила, что «Советы сами минировали парк имения и могилу Толстого».

Миф №4

**Здания музея были разрушены немцами,
а после отстроены заново.**

Реальность.

После освобождения Ясной Поляны комиссия Академии наук СССР установила: «...После того как немецкие части очистили усадьбу, вдруг приехали на легковой машине три немецких штабных офицера. Вламываются в дом, у каждого в руках по бачку с горючим, бегут наверх, в трех комнатах — библиотечной, спальне Льва Николаевича и спальне его жены С.А. Толстой — из сена, соломы и деревянных предметов обстановки бразуют три костра, обливают все горючим».

Мария Щеголева вспоминала, как немцы кричали: «Hinaus, hinaus, kein Museum, alles in die Luft» («Вон, вон, нет музея. Все в воздух»). Сталкивая их с лестницы вниз — «Mina, in die Luft» («в воздух»).

Дом спасала молодежь: Павлик Комаровский, местный врач по фамилии Илюхин, десятиклассница Клавдия Литвинова. На дверь они прибили доску с надписью на русском языке «Осторожно, дом заминирован».

«Есть ли в доме мины, никто не знал, — позднее описывал Павел Комаровский. — Спихватились у двери, ведущей в комнаты второго этажа. Привязали длинную веревку к дверной ручке, опять спустились, пригнулись. Потянули дверь на себя. Взрыва не последовало. Этим и ограничились».

«Мы, молодежь, пробились на второй этаж, а дым все валит, и не поймешь, откуда, где горит. Трудно дышать и видеть. Павлик действует огнетушителем. А с улицы подают воду, льем на стену и льем», — вспоминала Клавдия Литвинова.

В Красном саду. У перевернутого автомобиля

Сначала Дом тушили снегом, затем кто-то догадался заглянуть в старый заколоченный колодец, в котором оказалась вода. Пожар тушили четыре часа.

Осмотрев Дом в январе 1942 года, Щеголев записал: «Я увидел густо закопченные стены. Зловещее отверстие в обгорелом потолке, отбитую штукатурку. Кое-где обнажилась кладка. Бурые разводы — след воды — змеились по карнизу».

Обугленные доски лежали навалом. <...> Костер разложили как раз на том месте, где стояла постель Льва Николаевича».

«Все в доме было закопчено от пожара, загрязнено немецкими солдатами. Вместо благоустроенной усадьбы — загрязненная, выбитая разрывами фугасных бомб, заезженная сотнями машин территория...», — сказано в акте комиссии Академии наук.

Литературный музей (*Флигель Кузминских*) и Дом Волконского пострадали намного меньше. Флигель необходимо было заново окрасить и оштукатурить. Дом Волконского пришлось реставрировать немного основательнее — уже после ухода немцев возле него разорвалась бомба, в частности, были полностью выбиты стекла. Но здания остались целы.

6 апреля 1942 года на станцию Ясная Поляна прибыл вагон со строительными материалами. 8 апреля начались ремонтно-восстановительные работы в Доме Толстого.

1 мая 1942 года музей был открыт для посетителей и работал по 20 часов без выходных. При этом в яснополянском Доме практически не оставалось толстовских вещей, а в усадьбе все еще можно было найти следы немецкой оккупации.

В Литературном музее была смонтирована привезенная из Москвы экспозиция с новым разделом «Вандализм фашистов в Ясной Поляне» с документальными фотографиями бесчинств немцев в музее и деревне.

За летний период 1942 года в Ясной Поляне побывало около 14 тысяч человек, среди них свыше 11 тысяч военных. Всего с 1942 по 1945 годы музей посетило более 60 тысяч человек. Эвакуированные экспонаты музея вернулись в Ясную Поляну 12 мая 1945 года.

Дагаев В.Н. В литературном музее весной. 1942 г.

С. И. Щеголев с группой офицеров и бойцов Советской Армии у Дома Л.Н. Толстого. 1943 г., весна

Материал взят с источника: www.yurmuseum.ru

Гриценко Евгения Петровна,
старший научный сотрудник
музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»,
кандидат культурологии

Право человека на жизнь.

Деятельность Л. Н. Толстого и его семьи по борьбе с голодом

Всегда остро писатель и его близкие реагировали на периодически возникавшие в стране последствия неурожаев. В 1873 – 1874 гг. голод охватил Самарскую губернию. Летом 1873 г. Л. Н. Толстой с женой и детьми приехал в своё самарское имение Патровка на лечение и стал свидетелем наступающего голода. Отношение Толстого к этой проблеме вылилось в статью «Письмо к издателям», которая была опубликована 15 августа 1873 г. в 207 номере «Московских ведомостей».

Подлинная картина положения населения Самарской губернии, данная Л. Н. Толстым «произвела сильное и глубокое впечатление на русское общество»¹. 18 сентября 1873 г. в Самарскую губернскую земскую управу поступило первое пожертвование в 2 тыс. 300 рублей от Московской университетской типографии. Всего частных пожертвований было получено 1 млн. 867 тыс. рублей². Помимо публицистической деятельности Толстой принял непосредственное участие в оказании помощи жителям деревень Самарской губернии. Практическая помощь писателя заключалась в снабжении крестьян хлебом, деньгами, составлении списков нуждающихся.

Не осталась в стороне и жена писателя. Она вместе с Львом Николаевичем приходила в дома бедствующих крестьян, оказывала им материальную поддержку.

В начале 1890-х гг. драматическая ситуация в нашей стране повторилась: центральные и юго-восточные районы России вновь

¹ Пругавин А. С. О Льве Толстом и толстовцах. М., 1911. С. 29.

² Гусев Н. Н. Материалы к биографии с 1870 – 1881 гг. М., 1963. С. 145.

охватил голод. Причиной его стал неурожай 1891 – 1893 гг., охвативший 30 губерний с населением 40 млн. человек³.

В Тульской губернии из 12 уездов неурожай был в 9, причём наиболее значительным он был в южных плодородных уездах: Ефремовском, Епифанском, Богородицком, Чернском⁴. Во второй половине сентября 1891 г. Толстой выехал в пострадавшие от неурожая деревни. В это же время самостоятельно отправились в голодные районы Тульской губернии и его дочери Мария Львовна и Татьяна Львовна.

Поездка в сёла Тульской губернии дала писателю материал для большой обличительной статьи «О голоде», известной под названием «О помощи голодающим» («Письма о голоде»). Из-за цензурных соображений статью напечатали в январе 1892 г. в английской газете «Daily Telegraph» под заголовком «Почему голодают русские крестьяне».

В конце 1891 г. Лев Николаевич вместе с дочерьми Татьяной Львовной и Марией Львовной уехал на несколько месяцев из Ясной Поляны в голодные губернии. В общей сложности с 1891 по 1893 гг. Толстые провели в этих краях более 200 дней. Толстой поселился со своими близкими в деревне Бегичёвка Данковского уезда.

Лев Николаевич, его дочери Татьяна и Мария, племянница Вера Кузминская активно включились в практическую работу по спасению пострадавших от голода. Они изучали положение дел на местах, составляли списки голодающих, открывали столовые, устраивали пекарни.

В феврале 1892 г. Софья Андреевна, оставив старшую дочь в Москве с младшими детьми, приехала в деревню Бегичёвка и провела там 10 дней. Она вместе с мужем и дочерью Марией участвовала в раздаче дров, одежды, продуктов.

Благодаря деятельному участию Л. Н. Толстого, его семьи и добровольных помощников с декабря 1891 г. по апрель 1892 г. в Епифанском, Ефремовском, Данковском, Скопинском уездах

³ Общественная деятельность Л. Н. Толстого в Тульском крае. Тула, 1980. С. 18.

⁴ Там же.

количество столовых с 72 возросло до 187. К июлю 1892 г. в этих 4 уездах действовало 246 столовых, в которых питалось 10 – 13 тысяч человек⁵.

Помимо непосредственной практической деятельности по ликвидации тяжёлых последствий неурожая Толстой считал своим долгом выступать перед российским обществом с тем, чтобы привлечь его внимание к народной беде. В связи с этим он написал статью «Страшный вопрос», которая была опубликована в ноябре 1891 г. в газете «Русские ведомости».

В декабре 1891 г. в сборнике «Помощь голодающим», изданном редакцией «Русские ведомости» вышла новая статья писателя «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая». В это время члены его семьи вели большую разъяснительную работу среди своих друзей и знакомых, старались объединить их вокруг общего дела, обращались с просьбой о помощи к общественности. В ноябре 1891 г. старшая дочь Льва Николаевича написала письмо в газету «Новое время». В нём она рассказала, как устройство столовых ободряет людей и призывала помочь нуждающимся.

Софья Андреевна, жившая в это время с младшими детьми в Москве, также не осталась равнодушной к общему семейному делу и написала в газету «Русские ведомости» сообщение о деятельности Л. Н. Толстого и старших детей на голоде. 3 ноября 1891 г. статья С. А. Толстой появилась в печати.

В своё воззвание Толстая включила и письмо к ней старшей дочери Татьяны с описанием двух столовых, которые та успела посетить в первый день пребывания на голоде. Письмо жены писателя вызвало «большое сочувствие»⁶ в обществе. С 4 по 17 ноября С. А. Толстой было получено около 5 с половиной тысяч рублей. Вся сумма составила 13 тысяч, не считая присланных продуктов и различных вещей для пострадавших от голода⁷.

⁵ Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979. С. 263.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. М. 1923. Т. 3. С. 165.

Активное участие в борьбе с голодом в 1891 – 1893 гг. принял и старший сын писателя Сергей Львович Толстой. В эти годы он был назначен секретарём Красного Креста Чернского уезда. В селе Никольское–Вяземское, принадлежавшем Толстым, при его непосредственном участии открыли столовую на 100 человек⁸. За деятельность по оказанию помощи голодающим и больным холерой в 1893 г. старший сын Льва Николаевича получил высочайший рескрипт Чернского предводителя дворянства

В 1891 – 1892 гг. принимал участие в спасении голодающих в Чернском уезде также сын писателя Илья Львович Толстой. Вместе с ним работала в пользу бедствующих крестьян и его жена Софья Николаевна. Откликнувшись на просьбу отца, И. Л. Толстой в 1891 г. приезжал в деревню Бегичёвка, где он пробыл два месяца, заменив там заболевшего Льва Николаевича.

Близко к сердцу принял народную беду и сын писателя Лев Львович Толстой. Находясь в Москве, он вместе с другими студентами университета, собирал средства для помощи голодающим. Осенью 1891 г. он бросил университет и отправился в село Патровку Самарской губернии. Документальным источником, раскрывающим деятельность Л. Л. Толстого в самарской деревне, является и его книга «В голодные годы», вышедшая в 1900 г.

В 1898 – 1899 гг. в некоторых районах Центрально-чернозёмной полосы и Поволжья вновь начался голод. Размеры нового бедствия были не так велики, как в 1891 – 1893 гг., тем не менее, по-прежнему сельское население испытывало трудности с продовольствием. Неурожаем были охвачены и отдельные уезды Тульской и Орловской губерний. Лев Николаевич, желая лично познакомиться с ситуацией, в мае 1898 г. побывал в трёх уездах – Чернском, Епифанском, Мценском. Результатом поездки писателя стало открытие столовых в деревнях, где голодали крестьяне, а также написание статьи «Голод или не голод», в которой Толстой правдиво обрисовал истинное положение дел.

В конце 1890-х гг. к общему семейному делу по спасению голодающих присоединился сын писателя Лев Львович Толстой.

⁸ Толстая С. А. Моя жизнь. Ч. VIII. С. 17.

Как и в голодные 1891 – 1892 гг. он отправился в село Патровка, чтобы открывать там столовые и лечебницы для крестьян. Помимо непосредственно практической деятельности в это время Л. Л. Толстой написал ряд статей в российские газеты, посвящённые проблеме голода. В «Русском вестнике» за 1898 – 1899 гг. были опубликованы его работы «Пожалеем», «О пожертвованиях», «Мой отчёт», «Хлебные запасы»

Помощь голодающим в 1898 – 1899 гг. оказывал и сын Льва Николаевича, Илья Львович Толстой и его жена. Они, как и в прежние годы, открывали столовые для голодающих в Мценском и Чернском уездах. При непосредственном участии сына писателя весной 1898 г. в Мценском уезде Орловской губернии открылась столовая для нуждающихся. В ней питалось 57 человек⁹.

Л. Н. Толстой и члены его семьи, считая необходимым своё участие в деятельности по спасению голодающих, понимали, что временная помощь не может спасти терпящих бедствие людей. Толстой и его близкие считали, что крестьянину нужно не просто улучшение экономического положения, но гораздо важнее – развитие его умственного и духовного состояния.

Дочери писателя видели, как и он, единственный путь спасения народа прежде всего в его просвещении, в совершенствовании его способностей, развитии талантов, которыми он богат. В связи с этим в первые же дни пребывания в деревне, пострадавшей от голода, Татьяна Львовна вместе со своей сестрой Марией Львовной открыла школу для крестьянских детей.

Сын писателя Лев Львович Толстой также как и его отец и его сёстры объяснял истинные причины крестьянской нужды отсутствием общей культуры в народе, его неразвитостью и забитостью. Именно поэтому, в 1899 г., уезжая из самарской губернии, где Л.Л. Толстой принимал участие в спасении голодающих крестьян, он открыл волостную народную библиотеку.

На основании выше изложенного можно сделать вывод, что деятельность писателя и его близких на голоде являлась уникальным общественным и культурным явлением в истории

⁹ Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 2000. С. 422.

нашей страны. Практически все представители дворянской фамилии были объединены общей задачей спасения человека, реализацией его права на жизнь.

Фомин Олег Евгеньевич,
к.ю.н., доцент кафедры,
Фомина Ирина Ревальевна ,
к.филос.н., доцент кафедры
Тулского филиала ОЧУ ВО
«Международный юридический институт»

Л.Н. Толстой и российская правовая действительность второй половины XIX века

Лев Николаевич Толстой занимает грандиозное место в целом спектре социокультурных явлений – и это не только в литературе, философии, этике. Особое значение имели политико-правовые взгляды Л.Н. Толстого и его практическая деятельность на юридическом поприще, его связь с правовой действительностью того периода времени в целом. Эта связь, по нашему мнению, прослеживается по нескольким направлениям.

Первое направление связано с теоретико-правовыми интересами писателя. Как о теоретике права, на наш взгляд, мы можем говорить о Л.Н.Толстом как представителе, прежде всего, доктрины естественного права, а не как о правоведе классического, нормативистского направления. Именно с этих позиций он, как образованнейший человек своего времени, затронул в своих художественных, философско-религиозных, публицистических произведениях широкий круг социальных, морально-этических и этико-правовых проблем, поставленных ещё философией Просвещения. Многие юридические вопросы, посвященные актуальным политико-правовым событиям, нашли правдивое и глубокое отражение в его творчестве. Современники писателя указывали на целый ряд проблем, относящихся к уголовному праву, уголовному процессу, судоустройству, этике, уголовно-исполнительному и административному праву, криминологии и девиантному поведению, затронутых Толстым в своих произведениях. Интерес писателя к теоретическим вопросам права ярко проявился в содержании юридической литературы его

библиотеки. В ней имелись произведения и труды таких известных авторов того периода времени как А.Ф.Кони, И.А.Сикорский, Б.Н.Чичерин, К.А.Кавелин, М.М.Ковалевский, Д.И.Мейер, К.Н.Анненков и других специалистов по социально-правовой проблематике, виднейших представителей юридической науки, а также материалы юридической периодической печати. Многие вопросы из мира правовой науки, изложенные в данных источниках, очень интересовали живой ум писателя, так как он не мог пройти мимо тех несправедливостей, которые царили в судах (особенно военно-полевых), тюрьмах (как следствие - появление статьи «Не могу молчать») и, в целом, в карательной политике государства. В библиотеке писателя имелись труды не только отечественных авторов, но и французских, английских, итальянских и других исследователей в области криминологии, социологии, криминалистики, исправительной системы.

Еще одним направлением связи писателя с правовой действительностью второй половины XIX века являлось взаимное сотрудничество Л.Н. Толстого и юристов-практиков – представителей адвокатуры, судебных органов, прокуратуры и др. Многие выдающиеся юристы гордились знакомством с Л.Н. Толстым, обращались к нему за различными советами, прежде всего, касающимися философско-нравственных, естественно-правовых аспектов. Со многими из них его связывали теплые дружеские отношения, а получаемая им информация о правовых явлениях использовалась и самим писателем в его творчестве. Из воспоминаний современников известно как тщательно подходил Толстой к сбору материала для своих романов. В частности, если обратиться к роману «Воскресение», то мы увидим, как писатель показывает нравственное разложение, моральную и физическую деградацию личности, бытовую преступность, распущенность, самоубийства, - всё, что являлось следствием тюремной жизни, а также показывает несовершенную судебную систему, которая ломает человека. В основу произведения легла реальная история, рассказанная Толстому прокурором Петербургского окружного суда А.Ф. Кони (известная как «Коневский рассказ»), с которым у

писателя были тесные дружеские отношения. Изучая жизнь народа, Толстой «знакомился с бытом арестантов и характерами отдельных лиц из них, подолгу пребывал в тюрьмах и исправительных отделениях, беседуя с «преступниками» всех категорий в Крапивне, Туле и Москве». Неоценимую помощь при подготовке материала в работе над судебными сценами, описании тульской тюрьмы, которую кроме суда, неоднократно посещал писатель, оказал Н.В.Давыдов - видный юрист, общественный деятель, впоследствии служивший прокурором, затем председателем Тульского окружного суда. Многие случаи из судебной практики Н.В. Давыдова легли в основу различных драматических произведений Толстого, в том числе, и романа «Воскресение», для которого писателем было получено от Давыдова «очень хорошее судебное дело», а также различные материалы суда. По просьбе Толстого Давыдов даже написал для романа отрывок из кассационной жалобы, вопросы судей, резолюцию суда. В героях этого произведения современники Л.Н. Толстого узнавали известных публичных личностей своего времени – шефа жандармов П.А. Шувалова, обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, товарища министра внутренних дел П.В. Оржевского и других. Из анализа содержания сцен, посвящённых судебному процессу с участием суда присяжных, юридической квалификации деяния, описанию домов терпимости, содержания в тюрьме, на каторге, видна юридическая подготовка писателя. Ведь он обращался с просьбой подобрать ему юридический материал по судам присяжных, по ведению дел в тюрьмах, который был необходим для работы над романом, и к В.А. Маклакову – депутату Государственных Дум разных созывов, одному из лидеров партии кадетов, впоследствии ставшему адвокатом и просто хорошему знакомому Л.Н. Толстого до самой его кончины. Другой роман «Анна Каренина» включал в себя многие социально-правовые события того времени, в том числе, проведение судебной реформы и создание суда присяжных. Образ Каренина стал собирательным образом российского чиновничества, погрязшего во взяточничестве, бюрократизме, «кумовстве». В некоторых других героях романа угадываются

также известные лица того времени (например, приятель Л.Н.Толстого философ, историк Б.Н.Чичерин). Героями и прототипами главного романа Л.Н.Толстого «Война и мир» также являлись некоторые известные представители юридической практики – видный реформатор М.М.Сперанский (создатель «Введения к уложению государственных законов России»), первый министр внутренних дел России граф В.П.Кочубей, министр юстиции П.В.Лопухин и другие, сцены с которыми были включены в произведение. В этом романе Толстой критикует теорию «великих личностей» как творцов истории, отрицающей объективные процессы творчества народных масс. Во всех произведениях Л.Н.Толстого содержатся серьёзные философские взгляды, в том числе являющиеся краеугольными камнями не только доктрины естественного права, но и других концепций правопонимания. В то же время, многие известные юристы — современники Л.Н. Толстого, прежде всего А. Ф. Кони, В. А. Маклаков, оставили о писателе ценные воспоминания, показав его как противника современного ему действующего законодательства и господствующих в тот период времени теоретических (главным образом, нормативистских) представлений о праве и как критика правоприменительных институтов государства – суда, прокуратуры, полиции и др.

Еще одним направлением связи Л.Н.Толстого с социально-правовой действительностью стал его интерес к практической деятельности в качестве судебного заседателя, где он имел возможность непосредственно не просто знакомиться с ходом судебного разбирательства, но и являться прямым участником процессуальных действий. Важнейшим эпизодом в этой деятельности стало его участие в уголовном процессе в качестве защитника рядового пехотного полка В. Шибунина, который привлекался к уголовной ответственности за воинское преступление – избиение командира. Но как адвокат Толстой потерпел неудачу - солдата расстреляли, что, несомненно, серьезнейшим образом повлияло на последующие морально-этические и политико-правовые взгляды писателя. И, несмотря на это, свою главную гражданскую и моральную обязанность

как писателя Л.Н. Толстой видел в том, чтобы быть «адвокатом стомиллионного земледельческого народа».

Таким образом, стремление Льва Николаевича Толстого реализовать в своих художественных произведениях и практической деятельности идеалы христианства и естественного права, в частности, свободы, справедливости, равенства, реальности прав и свобод личности, которым он оставался верен до конца своих дней, сделали писателя гордостью человеческой цивилизации, творчество которого не только не теряет своего значения в сегодняшнем сложном мире, но и делает его ещё более актуальным.

Литература:

1. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н.Толстого. Ч.1. М., 1959.
2. Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников. Т.2. М., 1960.
3. Смолярчук В.И. Л.Н.Толстой о праве и юридической науке // Советское государство и право. 1978. № 9.
4. Троицкий Н.А. Л.Н.Толстой в роли адвоката // Государство и право. 1998. № 7.
5. Харабет К.В. Юридический мир и «антиюридизм» Л.Н.Толстого // Российская юстиция. 2008. № 7,8,9.

Осипов Михаил Юрьевич,
*старший научный сотрудник, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Автономной
некоммерческой организации высшего образования
Институт законовeдения и управления ВПА,
кандидат юридических наук*

Сравнительная характеристика взглядов В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого на право.

Одной из актуальных проблем, стоящих перед историей правовых учений является проблема осмысления взглядов В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого на право. Как известно, Л.Н. Толстой крайне негативно относился к праву. В своем знаменитом произведении «Письмо студенту о праве» Л.Н. Толстой писал: «Если рассуждать не по "науке", т.е. не по атрибутивно-императивным переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу определять то, что в действительности подразумевается под словом "право", то ответ на вопрос о том, что такое право, будет очень простой и ясный: правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им -- властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено» [1].

При этом Л.Н. Толстой полагал, что «в суеверии и обмане "права" нет ничего, кроме самого гадкого мошенничества, желания не только скрыть от людей сознаваемую всеми нравственно-религиозную истину, но извратить ее, выдать за истину самые жестокие и противные нравственности поступки: грабежи, насилия, убийства» [1]. По мнению Л.Н. Толстого, «все люди свободные, разумные существа, в душу которых вложен один высший, очень простой, ясный и доступный всем закон, не имеющий ничего общего с предписаниями людей, называемыми правами и законами. Высший закон этот, самый простой и доступный всякому человеку, состоит в том, чтобы любить

ближнего, как самого себя, и потому не делать другому того, чего не хочешь себе. Закон этот так близок сердцу человеческому, так разумен, исполнение его так несомненно устанавливает благо как отдельного лица, так и всего человечества и так одинаково был провозглашен закон этот всеми мудрецами мира, от Ведантистов Индии, Будды, Христа, Конфуция до Руссо, Канта и позднейших мыслителей, что если бы не те коварные и зловредные усилия, которые делали и делают богословы и правоведаы для того, чтобы скрыть этот закон от людей, закон этот уже давно был бы усвоен огромным большинством людей, и нравственность людей нашего времени не стояла бы на такой низкой степени, на которой она стоит теперь» [1].

Таким образом, по мнению Л.Н. Толстого, вся вина в том, что люди не ведут нравственную жизнь возлагается им на богословов и правоведаов.

С подобной точкой зрения категорически был не согласен другой выдающийся философ и мыслитель той эпохи В.С. Соловьев.

В своем знаменитом произведении «Оправдание добра. Нравственная философия» В.С. Соловьев писал о праве: «закон собственно правовой, как ясно во всех случаях его применения, по существу ограничен; вместо совершенства он требует низшей, минимальной степени нравственного состояния, лишь фактической задержки известных проявлений безнравственной воли. Но эта противоположность не есть противоречие, ведущее к реальному столкновению» [2. С.522] . Далее В.С. Соловьев отмечал, что « нравственной стороны нельзя отрицать, что требование добросовестного исполнения долговых обязательств, воздержания от убийств, грабежей и т.п. есть требование хотя и элементарного, но все-таки добра, а не зла, и что если мы должны любить врагов, то и подавно должны уважать жизнь и имущество всех наших ближних, и без исполнения этих низших требований нельзя исполнить высших заповедей; а со стороны правовой – хотя закон гражданский или уголовный не требует высшего нравственного совершенства, но и не отрицает его, и, запрещая кому бы то ни было убивать и обманывать, он не

может, да и не имеет надобности мешать кому угодно любить своих врагов» [2. С.523]. Рассматривая же уголовное право и цели наказания В.С. Соловьев отмечал: «Нравственное начало требует реального противодействия преступлениям и определяет это противодействие (или наказание в широком смысле этого слова, не совпадающем с понятием возмездия) как правомерное средство деятельного человеколюбия, законно и принудительно ограничивающее внешние проявления злой воли не только ради безопасности общества и его мирных членов, но непременно также и в интересах самого преступника» [2. С.467]. По его мнению: «терпящий от преступления имеет право на защиту и по возможности на вознаграждение; общество имеет право на безопасность; преступник имеет право на вразумление и исправление» [2. С.467]. Исходя из всего этого В.С. Соловьев выводил формулу, которая описывает сущность права: «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [2. С.525]. Положительное же право В.С. Соловьев определял как: «исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага» [2. С.528]. Вместе с тем, В.С. Соловьев отрицал необходимость применения смертной казни в мирное время в качестве уголовного наказания, а также пожизненного тюремного заключения, считая эти наказания безнравственными [2].

Таким образом, небольшой сравнительный анализ взглядов Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева показывает, что оба мыслителя придавали высокое значение нравственному идеалу. Но, если Л.Н. Толстой полагал, что нравственный идеал легко достижим, достаточно только просто следовать этому идеалу и все будет в порядке, то в отличие от него В.С. Соловьев полагал, что нравственный идеал – это та путеводная звезда, по направлению к которой движется человечество, но окончательная победа нравственного идеала на Земле невозможна до Второго Пришествия Иисуса Христа, ибо достижению нравственного идеала препятствуют: падшая в результате грехопадения человеческая природа, наличие злой воли, демонические

внушения. Далее Соловьев В.С. отмечает, что «высшая безусловная истина не исключает и не отрицает предварительных условий своего проявления, а оправдывает, осмысливает и освящает их. Если с известной точки зрения всемирная история есть всемирный суд Божий, то ведь в понятие такого суда входит долгая и сложная тяжба (процесс) между добрыми и злыми историческими силами, а эта тяжба для окончательного решения с одинаковою необходимостью предполагает и напряженную борьбу за существование между этими силами, и наибольшее их внутреннее, следовательно, мирное развитие в общей культурной среде» [3]. Именно эту истину и никак не мог понять Л.Н. Толстой, полагая что изначально человек добр, никакого грехопадения не было, покаяние человеку не нужно, Таинства Церкви ему не нужны [4] и высказывал другие подобного рода кощунства [4]. По нашему мнению, одной из причин такого нигилистического отношения Л.Н. Толстого к реальной ситуации, сложившейся в ту эпоху, является то обстоятельство, что Л.Н. Толстой, при всем к нему уважении как к писателю и мыслителю, был недостаточно образован, так как курс университета он не окончил. Отсюда его упрощение сложности жизненной реальности, «детское» восприятие нравственного идеала и «подростковое бунтарство» против необходимых условий жизни общества, непонимание их необходимости, которое в конечном итоге его привело к тотальному социальному, религиозному и правовому нигилизму, уходу из дома и смерти на станции Астапова. В отличие же от Л.Н. Толстого, В.С. Соловьев все понимал, все осознавал, так как он не только окончил университетский курс, но и защитил докторскую диссертацию по философии «Критика отвлеченных начал». В заключение необходимо сделать вывод о том, что оба мыслителя в основу своей «философии жизни» кладут нравственный идеал, но если для Л.Н. Толстого нравственный идеал легко достижим, захотел и стал нравственным, то для В.С. Соловьева достижение полноты нравственного идеала возможно только после поражения Антихриста и наступления Царства Божьего, чего, к сожалению, никак не мог понять Л.Н. Толстой. В этом и состоит

принципиальное отличие нравственного учения В.С. Соловьева от учения Л.Н. Толстого, который не признавал и никак не хотел признавать необходимыми условиями достижения нравственного идеала явления реальной жизни, в том числе такие как «право».

Литература

1. Толстой Л.Н. Письмо студенту о праве// (1909) Журнал "Толстовский Листок/Запрещенный Толстой", выпуск пятый, Издательство "Пресс-Соло", Москва, 1994. <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/publicistika-13.htm> (дата обращения 02.03.2020)
2. Владимир Соловьев Оправдание добра / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — 656 с
3. Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения М., "Современник", 1991.
4. Л.Н.Толстой. К Духовенству Журнал "Толстовский Листок - Запрещенный Толстой", Выпуск третий Издательство "АВИКО ПРЕСС", Москва, 1993.

Полонская Инна Евгеньевна,
*зав. отделом мультимедийных и цифровых ресурсов
Тульской областной детской библиотеки
филиала Регионального библиотечно-информационного
комплекса*

Война и патриотизм в жизни и творчестве Толстого

Как известно, осенью 1851 года Толстой поступил юнкером в 4-ю батарею 20-й артиллерийской бригады, стоявшей в казачьей станице Старогладове на берегу Терека, под Кизляром. На Кавказе Толстой пробыл два года, участвовал во многих стычках с горцами, подвергался опасностям. В конце 1853 г. вспыхнула Крымская война, и Толстой после перевода сражался в Дунайской армии, а с ноября 1854 г. по конец августа 1855 г. был в Севастополе. Очевидно, что без службы на Кавказе и в Севастополе не появились бы ни «Кзаки», ни «Севастопольские рассказы», ни описание военных действий в «Войне и мире». Благодаря непосредственным впечатлениям, постоянному самоанализу и размышлениям о морали и этике, пристальному наблюдению за поведением людей на войне, попыткам понять свою и чужую мотивацию и, конечно, литературному таланту, Толстой смог ответить на вопрос: «А как там – на войне?» Недаром Н. А. Некрасов после прочтения рассказа «Севастополь в мае» отмечал: «Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью и вообще направление вашего таланта, и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что

нужно теперь русскому обществу: правда, правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе»¹⁰.

Но, хотя творчество и составляло значительную часть жизни Толстого, все-таки основным занятием в это время для него была служба. Мнения сослуживцев о Толстом разнятся,

иногда они вообще диаметрально противоположны. Так, например, Юлиан Игнатьевич Одаховский – сослуживец Л. Н. Толстого во время обороны Севастополя – писал в своих воспоминаниях: «Графа Толстого все очень полюбили за его характер.

Он не был горд, а доступен, жил как хороший товарищ с офицерами, но с

А.Кокорин
(иллюстрация к
«Севастопольским рассказам»
Л.Толстого)

начальством вечно находился в оппозиции, вечно нуждался в деньгах, спуская их в карты»¹¹. Но тот же Ю. И. Одаховский отмечал: «Так как граф Толстой

прибыл с Кавказа, то начальник штаба всей артиллерии Севастополя генерал Крыжановский назначил его командиром горной батареи. Назначение это было грубой ошибкой, так как Лев Николаевич не только имел мало понятия о службе, но никуда не годился как командир отдельной части: он нигде долго не служил, постоянно кочевал из части в часть и более был занят собой и своею литературой, чем службою»¹². Л. Н.

¹⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 59. С. 85

¹¹ Одаховский Ю. И. На севастопольских бастионах / В записи А. В. Жиркевича // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / Ред. С. А. Макашин. – Москва : Худож. лит., 1978. – Т. 1. – С. 59–65.

¹² Там же

Толстой в целом отнесся к воспоминаниям Одаховского отрицательно и писал А. В. Жиркевичу, который взялся их опубликовать, что рукопись Одаховского его очень разочаровала. «Удивительно, как он мог все так забыть, но еще удивительнее, что мог уверить себя, что было то, чего не было. Я отметил на полях его ошибки»¹³. Интересно, что А. В. Жиркевич по-своему определяет достоинство воспоминаний: «...Заметки Одаховского вызвали крайне важные собственноручные автобиографические признания Толстого, вообще скупого на рассказы о себе... В этом прямая их заслуга...»¹⁴.

Другой участник военных событий – генерал В. А. Полторацкий – вспоминал случай, когда Лев Николаевич чуть не попал в плен к чеченцам. Однажды Толстой и четверо его сослуживцев, «отъехав от колонны на сотню шагов, <...> увидели от Хан-Кальского леса несущуюся прямо на них толпу конных чеченцев. Не успев, по расчету времени, безнаказанно спуститься обратно, гр. Толстой сверху закричал товарищам о появлении неприятеля, а сам с Садою бросился к крепости»¹⁵. Местные жители сообщили, «что гр. Лев Толстой с татаринцом Садою, хотя и были очень ретиво преследуемы семью чеченцами, но, благодаря быстроте коней своих, целы и невредимы достигли ворот крепости»¹⁶. Из воспоминаний Н. А. Крылова, поступившего в ту же батарею через некоторое время после того, как ее покинул Толстой, известно, что тот «оставил по себе память как ездок, весельчак и силач. Так, он ложился на пол, на руки ему становился пудов в пять мужчина, а он, вытягивая руки, подымал его вверх; на палке никто не мог его перетянуть. Он же оставил много остроумных анекдотов»¹⁷.

¹³ Исторический вестник. – 1908. – № 1. – С. 167-176

¹⁴ ИВ, 1908, № 1, с. 176). По тексту журнала: ИВ, 1908, январь, с. 167—173, с уточнениями по рукописи (ГМТ, I А-8/8, № 2557

¹⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 46. С. 196

¹⁶ Там же, с. 89

¹⁷ Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого. М., 2000. Т. 1, стр. 48

Другие сослуживцы упоминали, что Толстой в своей батарее боролся с привычкой сквернословия у солдат, но успеха не добился.

4 августа 1855 г. Лев Николаевич со своим взводом принял участие в сражении на Черной речке, которое закончилось тяжелым поражением русской армии. Взвод Толстого, совершив долгий переход, вышел на указанную позицию, где и находился до конца сражения. Стрелять ему не пришлось, главную роль в артиллерийском прикрытии сыграли соседние полевые батареи. В письме Т. А. Ергольской, написанном вечером после боя, Толстой сообщает: «Сегодня, 4 числа, было большое сражение. Я там был, но мало участвовал. Я жив и здоров, но в душевном отношении никогда себя хуже не чувствовал, сражение было проиграно. Ужасный день: лучшие наши генералы и офицеры почти все ранены или убиты... Думаю, что надолго мы теперь ничего предпринимать не будем»¹⁸. Здесь нельзя не отметить честную позицию Толстого: он не преувеличивал значение своего участия, не приписывал себе подвигов. При этом очевидно, что Толстой не трусил, а спокойно выполнял приказ. Под впечатлением пережитого он написал сатирическое стихотворение [«Песня про сражение на реке Черной 4 августа 1855 года»](#), которое приобрело большую популярность как солдатская песня и считалось примером народного творчества.

В январе 1855 г. Толстой по собственной инициативе готовит «Проект о переформировании батарей в 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками». Свои предложения он направляет в штаб. «Показывал свой проект о переформировании батарей Сакену. Он совершенно со мной согласен. Признаюсь, что теперь, когда я подаю проект, я ожидаю за него награды» (запись в дневнике от 2 февраля 1855 г.)¹⁹. Трудно сказать, какой награды ожидал Толстой, но он явно

¹⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 59. С.83

¹⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 90. С. 18

переоценил поддержку со стороны генерала Д. Е. Остен-Сакена – начальника севастопольского гарнизона. Проект Толстого был отдан для оценки генерал-адъютанту А. И. Философову и исполнявшему должность начальника артиллерии Крымской армии генерал-майору Л. С. Кишинскому. Мнение двух опытных артиллеристов было резко отрицательным. Известен ответ Философова: «Об государственной экономии и об вопросах высшей военной организации, к которым принадлежит ? вопрос???, возбужденный графом Толстым, рассуждают обыкновенно высшие сановники, и то не иначе, как с особого указания высочайшей власти. В наше время молодых офицеров за подобные умничания сажали на гауптвахту, приговаривая: «Не ваше дело делить Европу, гг. прапорщики; вы обязаны ум, способности и познания свои устремлять на усовершенствование порученной в командовании вашей части и думать лишь о том, как бы в деле лучше ею управлять и извлечь из нее больше пользы»²⁰.

В это время Толстой все чаще задумывается об отставке, в том числе потому, что литература постепенно становится для него основным занятием. В марте 1855 года он пишет: «Правду говорит Тургенев, что нашему брату литераторам надо одним чем-нибудь заниматься, а в этой должности я буду более в состоянии заниматься литературой, чем в какой-либо. Подавлю тщеславие – желание чинов, крестов – это самое глупое тщеславие, особенно для человека, уже открывшего свою карьеру»²¹. В ноябре 1856 года писатель навсегда оставляет военную службу в звании поручика. Его военные награды: орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», медаль «За защиту Севастополя 1854–1855» и «В память войны 1853–1856 гг.».

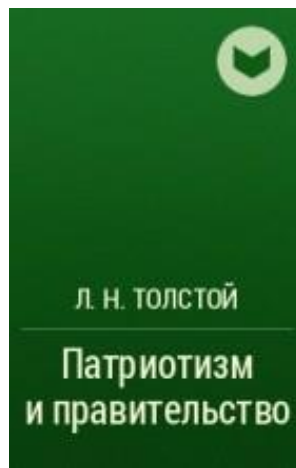
С темой войны связана и тема патриотизма, о котором у Толстого было весьма сложное и своеобразное представление. С 1863 по 1869 гг. создается роман-эпопея «Война и мир», где много внимания уделяется вопросу о русском патриотизме. Я. С.

²⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 90. С.63

²¹ Толстой Л.Н. М., 1992. Т. 47. С.10

Лурье в книге «После Льва Толстого» пишет, что даже во Франции во время гитлеровской оккупации «Войну и мир» называли «библией русского патриотизма»²². В 1863 году Толстой был убежден, что патриотизм – это естественное состояние человеческой души, когда та воспринимает общую беду как свою собственную. В романе-эпопее есть множество примеров того, как простой солдат жертвует собой ради блага страны, как с захватчиками борется мирное население, причем патриотические чувства охватывают людей различных политических взглядов. Таким образом, истинный патриотизм в понимании Толстого тогда можно было определить как высшее проявление нравственной силы и духа народа.

Однако в начале 80-х гг. происходит решительный перелом во взглядах Толстого на жизнь, на ее нравственные основы, на общественные отношения. «Со мной сделался переворот, – признавался писатель, – который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, ученых – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл»²³. Теперь Толстой старается на все смотреть с точки зрения народа и считает, что необходимо «отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться и быть милостивым»²⁴. Он последовательно и убежденно защищает интересы «земледельческого класса», призывает к уничтожению зла и насилия во всех проявлениях, но без применения

²² Лурье, Я.С. После Льва Толстого : Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века / Я. С. Лурье. - Санкт-Петербург : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 1993. - 166 с.

²³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 23. С.40

²⁴ Там же, стр. 42

силы. Учение о нравственном самоусовершенствовании, о непротивлении злу насилием, которое Толстой рассматривал как действенное средство в борьбе с общественной несправедливостью, определило характер его творчества на рубеже XIX и XX вв. В публицистических статьях «Христианство и патриотизм» (1894), «Патриотизм или мир?» (1896) и «Патриотизм и правительство» (1900) Толстой утверждает, что «патриотизм есть рабство»²⁵, «злодейства всегда вытекают из патриотизма»²⁶, войны порождаются «желанием исключительного блага своему народу»²⁷, а потому «для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм»²⁸.

Отношение Толстого к патриотизму в то время тесно связано с отношением к правительству, поэтому патриотизм трактуется как «не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей...»²⁹. Всякое правительство – «...ужасное, самое опасное в мире учреждение»³⁰, и Толстой призывает всех к неповиновению, отказу от патриотизма и предлагает свой – ненасильственный – метод борьбы: «для уничтожения правительств нужно одно: чтобы люди поняли, что то чувство патриотизма <...> есть чувство грубое, вредное, стыдное и дурное, а главное – безнравственное <...> всякий человек, под влиянием патриотизма, признает себя сыном своего отечества, рабом своего правительства и совершает поступки, противные своему разуму и своей совести»³¹.

²⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 39. С. 27

²⁶ Там же

²⁷ Там же

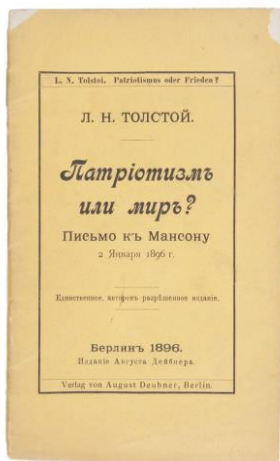
²⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 90. С. 45

²⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 39. С. 27

³⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 36. С. 45

³¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 90. С. 77

В антивоенной статье «Патриотизм или мир?» Толстой идет еще дальше и заявляет: «А потому для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм. А чтобы уничтожить патриотизм, надо прежде всего убедиться, что он зло, и вот это-то и трудно сделать». Таким образом, одним из условий сохранения мира писатель считает осуждение патриотизма.

Публикация таких статей была сопряжена с рядом трудностей. Так, «Патриотизм и правительство» впервые напечатана В. Г. Чертковым в издательстве «Свободное слово» в Англии в 1900 г. В России же она увидела свет лишь в 1906 г. в петербургском издательстве «Обновление», причём тираж был конфискован. «Христианство и патриотизм», написанная в 1894 году, в России появилась лишь в 1906 г. в издании Н. Е. Фельтена, за что тот был привлечен к судебной ответственности. «Патриотизм или мир?» была опубликована за границей – в Женеве – на русском языке под заглавием «Патриотизм или мир? Письмо к англичанину Л. Н. Толстого», издательство М. Элпидина «Carouge». Сам Толстой в своем письме к М. Здзеховскому сетовал: «Статья моя "Патриотизм и христианство" вызвала очень много возражений. Возражали мне и философы, и публицисты, и русские, и французские, и немецкие, и австрийские; возражаете и вы; и все возражения, так же, как и ваше, сводятся к тому, что мои осуждения патриотизма справедливы по отношению к дурному патриотизму, но не имеют никакого основания, если относятся к хорошему и полезному патриотизму; о том же, в чем состоит этот хороший и

полезный патриотизм и чем он отличается от дурного, – никто до сих пор не потрудился объяснить»³².

Талант Толстого заключался в том, что он видел, замечал и мог объяснить необъяснимые для обычных людей чувства. По словам самого Льва Николаевича, «великие предметы искусства только потому и великие, что они доступны и понятны всем». Толстой, безусловно, классик, и спустя сто с лишним лет многие из его мыслей остаются актуальными. В рамках нашей темы в качестве примера можно привести такую цитату из статьи «Христианство и патриотизм»: «Человеку из народа всегда совершенно все равно, где проведут какую границу и кому будет принадлежать Константинополь, будет или не будет Саксония или Брауншвейг членом Германского союза, и будет ли Англии принадлежать Австралия или земля Мателло, и даже какому правительству ему придется платить подать и в чье войско отдавать своих сынов; но ему всегда очень важно знать, сколько ему придется платить податей, долго ли служить в военной службе, долго ли платить за землю и много ли получать за работу – все вопросы совершенно независимые от общих государственных, политических интересов»³³.

Каким был Толстой? Об этом могут размышлять лишь его родные, соратники и современники. Сам же он в 1857 г. писал А. А. Толстой: «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, бросать, и вечно бороться, и лишаться. А спокойствие – душевная подлость»³⁴. Таким образом, несогласие Толстого довольствоваться готовыми ответами, поиск новых идей – это следствие его стремления к предельной честности и с миром, и с самим собой.

³² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 68. С.165

³³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 39. С. 27

³⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 60. С. 228

Список литературы:

Дорошенко, С. С. Лев Толстой воин и патриот. Военная служба и военная деятельность / С. Дорошенко. - Москва : Советский писатель, 1966. - 316 с. : ил., портр.

Лурье, Я.С. После Льва Толстого : Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века / Я. С. Лурье. - Санкт-Петербург : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 1993. - 166 с.

Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : В 2 т. / подготовка текста и коммент. Н. Н. Гусева, В. С. Мишина ; предисл. К. Н. Ломунова. - Москва : Гослитиздат, 1955. - 2 т. - (Серия литературных мемуаров)

Одаховский Ю. И. На севастопольских бастионах / В записи А. В. Жиркевича // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / Ред. С. А. Макашин. - Москва : Худож. лит., 1978. - Т. 1. - 621 с.

Островский, А.Г. Молодой Толстой : воспоминания, письма, дневники... / А. Г. Островский. - Москва : Аграф, 1999. - 316 с. - (Литературная мастерская)

Сухотина-Толстая, Т. Л. Воспоминания / Т. Л. Сухотина-Толстая ; под общ. ред. В. Э. Вацуро, Н. К. Гея, С. А. Макашина [и др.] - Москва : Художественная литература, 1976. - 539 с. : ил., фото. - (Серия литературных мемуаров)

Толстая, С. А. Дневники : в 2-х т. / С. А. Толстая ; под общ. ред. В. Э. Вацуро [и др.] - Москва : Художественная литература . - (Серия литературных мемуаров) . - Т. 1: 1862 - 1900 . - 1978 . - 607 с.

Толстой И.Л. Мои воспоминания. - Москва : XXI век-Согласие, 2000. - 462 с. : 8л.ил.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В 90 т. Т. 23. Произведения 1879-1884 гг. / под общ. ред. В. Г. Черткова. -

Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. - Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – 582 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В 90 т. Т. 36. Произведения 1904-1906 гг. / под общ. ред. В. Г. Черткова. - Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. - Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – 769 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В 90 т. Т. 39. Статьи, 1893-1898 гг. / под общ. ред. В. Г. Черткова. - Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. - Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – 257 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В 90 т. Т. 46. Дневник 1847-1854/ под общ. ред. В. Г. Черткова. - Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. - Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – 573 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В 90 т. Т. 47. Дневники и записные книжки 1854-1857/ под общ. ред. В. Г. Черткова. - Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. - Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – 617 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В. 90 т. Т. 59. Письма 1856-1862/ под общ. ред. В. Г. Черткова. - Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. - Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – 388 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В 90 т. Т. 36. Произведения 1904-1906 гг. / под общ. ред. В. Г. Черткова. - Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. - Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – 769 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В 90 т. Т. 60. Письма 1856-1862 гг. / под общ. ред. В. Г. Черткова. - Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. - Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – 557 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В 90 т. Т. 68. Письма 1895-г. / под общ. ред. В. Г. Черткова. - Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. - Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – 304 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В 90 т. Т. 90. Произведения. Дневники. Письма 1835—1910/ под общ. ред. В. Г. Черткова. - Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. - Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – 474 с.

Гертье София, Хохлова Ангелина,
*учащиеся частного учреждения профессионального
образования «Юридический полицейский колледж»*
Научный руководитель – Мозгачёва К. С

Образ русского солдата: от Л. Н. Толстого до наших дней.

Все знают Л.Н. Толстого в первую очередь как великого писателя, просветителя и педагога. И мы можем по праву гордиться нашим земляком. Однако не стоит забывать, что Толстой был боевым офицером, служил на Кавказе и сам принимал участие в Крымской войне. Пребывая в гостях у своего старшего брата, Лев Толстой начал служить на Кавказе. Конечно, тема войны не могла не отразиться в творчестве будущего великого писателя. «Севастопольские рассказы», «Хаджи-Мурат», «Война и мир» - великие произведения, которые подарил миру Лев Николаевич, не смогли оставить равнодушным ни одного читателя. Автор описывает русского воина в сражениях как настоящий психолог, как человек, который знает о войне изнутри, он понимает суть народного русского характера, менталитет, черты которого находят отражение в прототипах литературных героев. «В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты» [1]

Какой же он? Русский солдат XVIII века... Роман-эпопея «Война и мир» открывает перед нами истинную картину мира. Русский или француз, честный или предатель, свой или чужой? В этом романе автор изобразил все свое представление о настоящем солдате, наделив героев самыми лучшими чертами: преданность, честь, отвага, мужество, сопереживание и милосердие. Такими были Тимохин и Тушин. Оба этих командира проявили героизм и тем самым придали смелости

русской армии. «...Тимохин с таким отчаянным криком бросился на французов и с такою безумною и пьяною решительностью...". А Тушин, напротив, был скромным: «...Тушин, робким и неловким движением, совсем не так, как салютуют военные, а так, как благословляют священники, приложив три пальца к козырьку, подошел к генералу..." - и жалостливым человеком: «...Потом подошел худой, бледный солдат с шеей, обвязанной окровавленную подвороткой, и сердитым голосом требовал воды у артиллеристов <...> Тушин велел дать ему воды. Потом подбежал веселый солдат, прося огоньку в пехоту..."

Рота Тимохина, единственная уцелевшая, в нужный момент находит в себе силы неожиданно броситься на французов. И пускай в этом сражении преимущество было у солдат Наполеона, их настолько напугал сам Тимохин и его рота, их решительность и уверенность в своих силах (ведь у Тимохина из оружия была всего одна шпага), что они бросили своё оружие и сбежали с поля боя. Нельзя не сказать про батарею Тушина. Этим людям Толстой уделяет немного больше времени, и не зря. Сам Тушин неоднократно называется в произведении "маленьким человеком", со слабыми и неловкими движениями, он даже пугается пришедшего штабного офицера. Более того, он легко поддается чувствам, не сдерживая слёз, благодаря Болконского за помощь. Обращаясь к нему, он употребляет уменьшительно-ласкательные "Голубчик", "Милая душа". Всё это свидетельствует о мягкости характера этого солдата, но когда нужно встать на защиту своей родины, он превращается в сильного и отчаянного бойца! Тушин чувствует себя великаном, перестает испытывать какой-либо страх, его полностью захватывает военный азарт, и даже враги кажутся маленькими и слабыми с высоты этого азарта: «...князь Андрей в высшей степени соединял все те качества, которых не было у Пьера и которые ближе всего можно выразить понятием – силы воли...» Через таких солдат, как Тушин и Тимохин, а также через подчиненных им людей Толстой описывает идеального русского солдата, храбро сражавшегося за родную землю.

Героизм русских солдат проявляется и в создании партизанских движений на землях, захваченных французами. Одним из таких является партизанский отряд Денисова. Тихон Щербатый в этом отряде - один из самых нужных людей. И пусть он не военный и о его жизни до войны ничего не сказано, для Толстого он является олицетворением идеального русского солдата наравне с Тушиным и Тимохиным. Тихон очень силен, может пешком проходить огромные расстояния и берётся за любую работу во благо Родины. Автор описывает его высокий рост, длинные руки и ноги, басистый голос.

Но обратимся к другому произведению Л. Н. Толстого «После бала». Оно основано на реальных событиях, прототипом главного героя является брат С. Н. Толстой. Сергей Николаевич стал свидетелем жестокого, нечеловечного обращения своего будущего тестя с беглым солдатом. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал» [2, 15] Это повлияло на дальнейшую судьбу героя. Толстой подводит нас к мысли о том, что, несмотря на всю строгость военного устава и порядка, человек в форме всегда должен оставаться человеком. Звания и регалии не должны позволять унижать личность солдата.

«При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте»

И, к сожалению, в 21 веке мы встречаем такие случаи, которые не могут оставить нас равнодушными. В Читинском гарнизонном военном суде завершились прения по делу о дедовщине в части, где служил рядовой Шамсутдинов.

«Мы судим Мухатова за неуставные взаимоотношения, но за этими сухими словами лежит та боль и унижения, которые пришлось пережить потерпевшим, в том числе Шамсутдинову. К ответственности привлекается Мухатов, но на наш взгляд, вместе с ним должны нести ответственность все те,

кто допустил это преступление в воинской части №54160, все те, кто по своей преступной халатности и бездействию допустили то, что постоянные неуставные взаимоотношения привели к еще большей трагедии», — заявил в прениях Равиль Тугушев, защитник Шамсутдинова.

Это то, о чём невозможно молчать. Жестокость и грубое отношение к служащим процветает и ломает судьбы таких людей, как Шамсутдинов. Поэтому личность солдата формируется в армии, на службе, рядом с боевыми товарищами, командирами. Каждый день человек участвует в битве с самим собой. Проиграет он её или выиграет, зависит и от тех, кто окажется рядом.

Образ русского солдата с XVII века трансформируется и частично до сих пор. Различные мужественные подвиги совершались и совершаются изо дня в день, что значительно улучшает репутацию военных и моральную составляющую страны. Военные конфликты не ??? по сей день. Подвиги российских солдат вызывают безграничную гордость. Гордость, смешанная с горечью и болью за свою державу. Неужели, чтобы доказать, чего стоит русский солдат, ему нужно погибнуть на поле боя? Серик Султангабиев и Сергей Солнечников закрыли собой гранату, батальон Юрия Сулименко в Чечне наносил потери боевикам, Юрий Игитов так и не сдался в плен врагам, до последнего защищая свою честь. Таких примеров множество.

Русский воин - это человек, который может преодолеть любые препятствия, что встанут на его пути. Он готов броситься на помощь своим товарищам. Человек чести, борец за справедливость и «мир во всем мире». Сколько бы ни длился его путь, он будет стоять до конца.

Таким образом, Лев Николаевич Толстой описывает русского солдата как человека решительного и патриотичного. Человека, который сделает все для своей Родины, даже если за это ему придётся заплатить ценой собственной жизни. Мы считаем, что через всех своих персонажей Лев Николаевич проносит очень важную мысль. Мысль о том, что сила русского народа в его единстве и безграничной любви к отечеству. Герои

не совершают подвигов, не стремятся к славе и наградам, они делают всё, что могут, для защиты Родины, при этом проявляя невиданную смелость и упорство, присущие истинно русскому солдату. Изменилось ли что-то спустя века? Мы думаем, что нет. Мужчины России по-прежнему хотят служить в вооруженных силах, выбирают службу по контракту. Осознанно хотят защищать свою Родину, близких людей, в любой момент они готовы вступить в бой. Из таких маленьких подвигов далеко не "маленьких" людей и строится героизм русской армии, тему которого так хорошо раскрыл Толстой в своём творчестве.

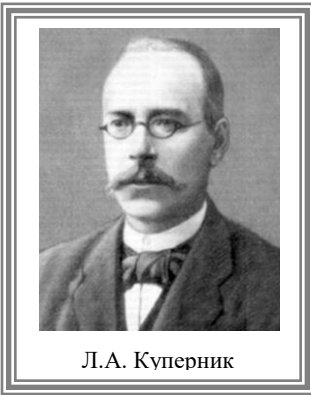
Список литературы

1. http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0180.shtml
2. Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 12 т. Издательство: М., «Художественная литература», 1976г. Рассказ «После бала,» том 11.
3. Л. Н. Толстой . Война и мир (Том 4, часть 3) - М.: Литература, 2000

Чисников Владимир Николаевич,
доктор юридических наук, доцент,
Главный научный сотрудник Государственного
научно-исследовательского института МВД Украины
(г. Киев, Украина)

«Ставлю себе в особую честь...»
(Лев Толстой и киевский адвокат Л.А. Куперник)

В этом году исполняются две памятные даты: 175 лет со дня рождения и 115 лет со дня смерти известного дореволюционного юриста, адвоката, общественного и театрального деятеля, публициста; издателя, библиофила, меломана и мецената, корреспондента и адресата Л.Н. Толстого – Льва Абрамовича Куперника

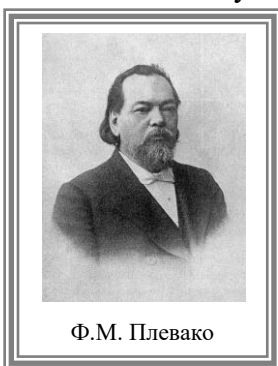

Родился Лев Абрамович 12 октября (30 сентября) 1845 года в г. Вильно (ныне г. Вильнюс, Литва) в состоятельной купеческой семье. Родители дали одаренному мальчику прекрасное образование и уже в 15 лет Левочка, окончив с отличием гимназию, стал студентом юридического факультета Киевского университета Св. Владимира. Вскоре строптивый студент вынужден был не по своей воле покинуть Киев и уехать в Москву, где продолжил обучение в Московском университете.

После получения диплома в 1865 году 19-летний молодой юрист был зачислен кандидатом на судебные должности при Московском окружном суде. Затем состоял помощником присяжного поверенного, присяжным поверенным округа Московской судебной палаты. Он принимал участие во многих резонансных уголовных и политических судебных процессах: членов народовольческого кружка «долгушенцев» (1874), о злоупотреблениях в Московском ссудном коммерческом банке

(1876), шайки мошенников из «Клуба черных валетов» (1877) и др.

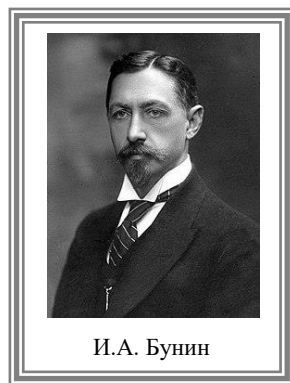
В 1877 году Куперник переехал на постоянное место жительства в Киев, где продолжал заниматься адвокатурой. Кроме множества гражданских и уголовных дел Лев Абрамович выступал в нескольких политических процессах. Особенный резонанс имела защита им участников так называемого «Чигиринского заговора» (1877), которых власти обвиняли в попытке поднять восстание крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии. Блестяще организовав защиту, он спас от виселицы обманутых провокаторами темных крестьян.

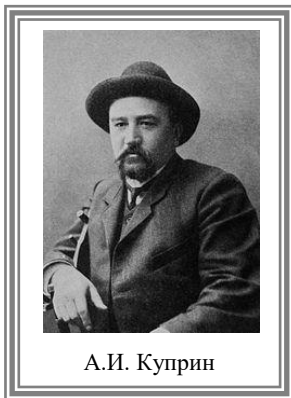
Кроме адвокатской практики, Куперник много времени посвящал общественной и политической жизни города. После направления в 1879 году личного письма киевскому генерал-губернатору М.И. Черткову с требованием «пресечь вакханалию смертных казней», Куперник долгие годы находился под негласным полицейским надзором.

В 1885 году Лев Абрамович на свои средства наладил в Киеве издание «политической и литературной» газеты «Заря» либерального направления.

В издании нередко появлялись и материалы антиправительственного направления. Власти недолго терпели «безобразия» в их адрес и уже в следующем году закрыли «крамольную» газету. Атмосфера вокруг строптивного адвоката в Киеве сгущалась, и он был вынужден в конце 1890 года на несколько лет перебраться в Одессу. В Одессе Куперник поселился в доме № 29 по улице Херсонской. К тому времени его имя как одного из талантливых адвокатов гремело по всей России. Не случайно в городе ходила шутка: «Одесский адвокат

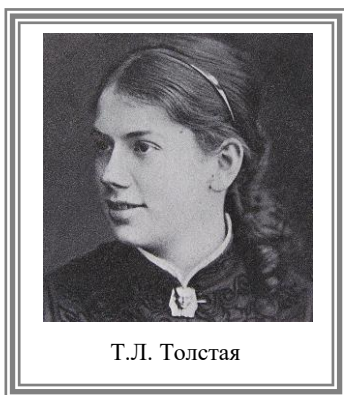
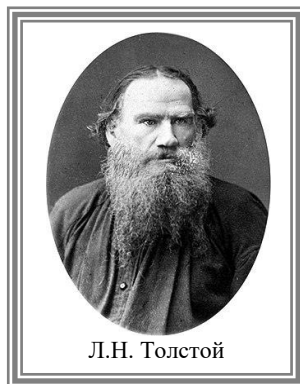

Куперник – известный всех Плевак соперник», намекая на известного московского адвоката Ф.М. Плевако, который считался тогда одним из корифеев русской адвокатуры

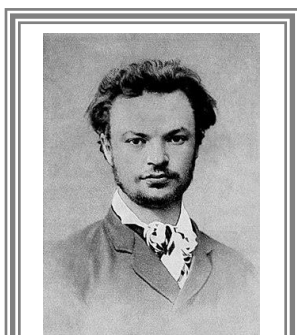
Лев Абрамович был человеком широкого кругозора, разносторонних интересов и большой культуры. Профессиональную деятельность он сочетал с преданностью музыке и театру, которым посвящал редкие часы досуга. В Одессе он сблизился с писателем И.А. Буниным, который ежегодно отдыхал и работал в приморском городе. Среди друзей Бунина были художники П. Нилус и Е. Буковецкий, писатель А.И. Куприн, а

также редактор и издатель газеты «Южное обозрение» Н.П. Цакни, с которыми Куперник поддерживал теплые дружеские отношения. Именно на страницах «Южного обозрения» чаще всего появлялись его публикации, в которых автор анализировал музыкальную, театральную жизнь Одессы, творческие успехи артистов Городского театра. Критические статьи Куперника публиковались также в «Одесском вестнике» и «Новороссийском телеграфе».

В 1891 году популярного адвоката-театрала избрали членом дирекции одесского отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО). С целью обновления репертуара городского театра Лев Абрамович решил даже побеспокоить Л.Н. Толстого.

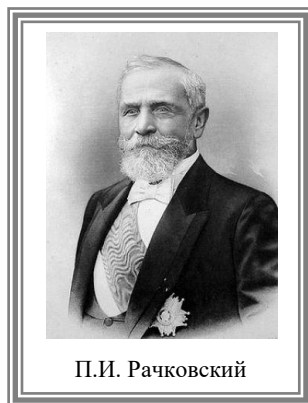
7 ноября 1892 года он направил в Ясную Поляну письмо, в котором рассказывал о себе, об интеллектуальной жизни в

С.М. Степняк-Кравчинский

городе и просил разрешения поставить комедию «Плоды просвещения» в городском театре. На конверте письма Л.А. Куперника есть помета карандашом рукой дочери писателя Т.Л. Толстой: «Просит позволить поставить Плоды Просвещения. Ответ?». На листе 2 об. письма имеется еще одна ее помета: «Отвечено». О содержании ответа Т.Л. Толстой сведения отсутствуют [1].

Была ли поставлена указанная пьеса Толстого в Одессе сведений не имеется. Участвуя в политических процессах, Лев Абрамович поддерживал связи с революционными организациями как в России, так и за рубежом. В частности, летом 1895 года он совершил конспиративную поездку в Лондон. Одесские жандармы доносили в Петербург, что «присяжный поверенный

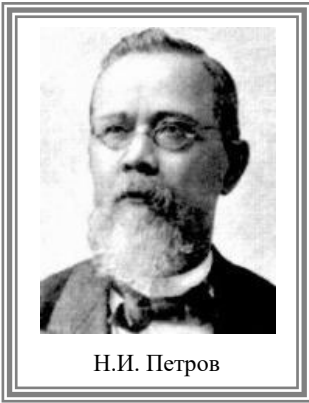

П.И. Рачковский

Г.В. Плеханов

Куперник нелегально посетил Лондон, где установил связи с политэмигрантским «Фондом вольной русской прессы» во главе с С.М. Степняком-Кравчинским. Он передал этому Фонду свой «Проект русской конституции», и его напечатали отдельной брошюрой без указания автора»[2].

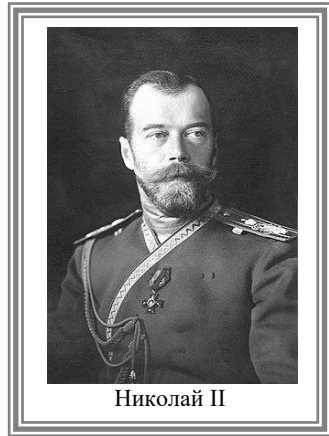

Н.И. Петров

10 (22) сентября 1895 года заведующий заграничной агентурой Департамента полиции П.И. Рачковский в донесении директору Департамента полиции Н.И. Петрову сообщал, что «по агентурным данным, в лице Куперника «Фонд» сделал серьезное приобретение... Он намерен издавать в Лондоне либерально-демократическую газету «Земский собор» и финансировать ее. Кроме Кравчинского предполагается участие

Г.В. Плеханова» [3]. В Англии была напечатана еще одна брошюра Куперника «О судебном преобразовании» – текст доклада, с которым Лев Абрамович выступил в Одесском юридическом обществе и за публикацию которого городского хозяина типографии привлекли к суду.

В 1896 году Лев Абрамович снова перебрался в Киев, где и прожил до конца своих дней. В конце 90-х гг. он обратился с письмом к императору Николаю II, в котором предлагал провести конституционную реформу, созвать Земский собор и учредить

Николай II

ответственный перед ним Кабинет министров.

Куперник активно сотрудничал с редакциями многих периодических изданий: «Юридическим вестником», «Юристом», «Зарей», «Киевской газетой», «Киевскими откликами» и др. Он избирался членом нескольких юридических обществ, в том числе и Одесского, почетным председателем Всероссийского съезда криминалистов в

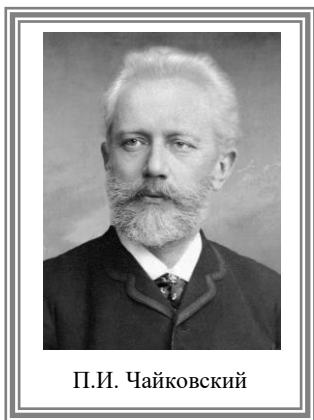
С-Петербурге, гласным Киевской городской думы, членом Киевского товарищества грамотности и т.д. [4]. Современники называли Льва Абрамовича «любимцем всех киевлян».

Ф.И. Шаляпин

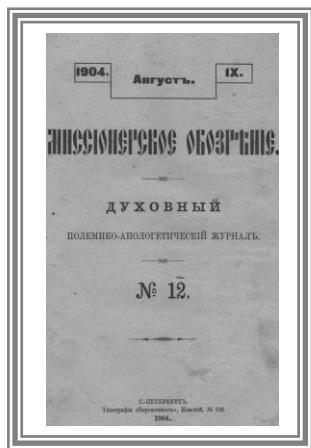
Лев Абрамович находился в дружеских отношениях со многими известными музыкантами, певцами, актерами, слыл меценатом и пропагандистом отечественной культуры. Среди его друзей были певцы Ф.И. Шаляпин, И.В. Тартаков, М.Е. Медведев, композиторы Н.Г. Рубинштейн, П.И. Чайковский и др.

В Киеве Куперник продолжил переписку с Л.Н. Толстым. На втором его письме автору «Войны и мира», которое, кстати, было перлюстрировано сотрудниками московского «черного кабинета», остановимся более подробно. Его написанию предшествовали следующие события.

П.И. Чайковский

В середине августа 1903 года в петербургском двухнедельном религиозном журнале «Миссионерское обозрение» (№ 12) была напечатана статья протоиерея кафедрального Андреевского собора в Кронштадте Ивана Кронштадтского (в миру Иван Ильич Сергиев (1829–1908)). Называлась статья «Ответ пастыря церкви Льву Толстому на его «Обращение к духовенству», в которой автор предавал анафеме «безбожную личность» графа Толстого, извращенную «до уродливости, до омерзения», и его «ужасное богохульство». Спустя несколько дней, статья официозного проповедника и члена «Союза русского народа» была перепечатана многими изданиями, в том числе и газетой «Киевское слово» (20 августа, № 5612).

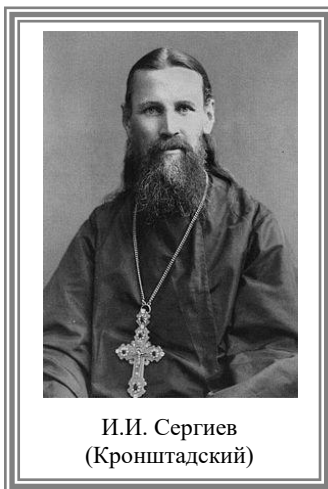

Прочитав пасквиль проповедника, Куперник выступил в защиту писателя, опубликовав в «Киевской газете» 24 августа 1903 г. (№ 232) довольно объемную статью «Образцовая полемика», в которой, в частности, писал: «Не берусь судить, насколько Толстой противоцерковен... Как нравственная личность Толстой слишком хорошо известен не только России, но и всему миру, который жадно прислушивается к

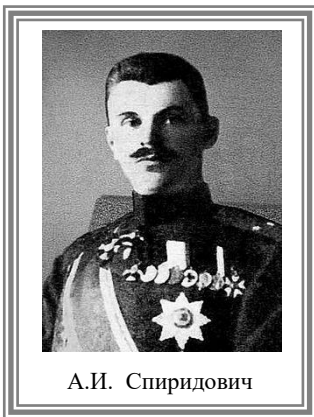
каждому слову Толстого, и не только слову художника, но и к слову моралиста, глубокого знатока человеческой души, учащего людей хорошо и честно жить – разумеется как он это понимает, и с чем, еще более разумеется, могут не соглашаться многие». Автор статьи также утверждал, что протоиерей Иоанн Кронштадтский «...в своей полемике с графом Толстым применяет запрещенные приемы: брань, голословие и неверность цитат».

На следующий день после выхода газеты Куперник отправил в Москву Льву Николаевичу письмо, которое вскоре и было перлюстрировано сотрудниками московского «черного кабинета», а его копия направлена начальнику Киевского охранного отделения «...для сведения и соображений...» [5].

Говоря о перлюстрированном письме Куперника к Толстому, следует сказать, что в литературе высказывалось утверждение, что писатель его не получил. Так, известный саратовский историк профессор Н.А. Троицкий, впервые опубликовавший данное письмо, утверждает, что «письмо Куперника к Толстому от 25 августа 1903 г. не дошло до

адресата и поэтому оно осталось неизвестным... для самого Толстого...» [6].

С таким утверждением уважаемого профессора нельзя согласиться. Как свидетельствуют материалы отдела рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, в одном из его фондов хранятся два письма адвоката Л.А. Куперника к Льву Николаевичу. На конверте, отправленном из Киева 25 августа 1903 года, имеется пометка, оставленная писателем красным карандашом: «Послать к духов[енству]» [7].

12 сентября 1903 года начальник Киевского охранного отделения жандармский подполковник А.И. Спиридович, разбирая утреннюю почту, обратил внимание на депешу, прибывшую из Петербурга. Распечатав конверт, он вынул два листа и начал читать. На официальном бланке Департамента полиции исполняющий обязанности директора сообщал следующее:

ДИРЕКТОР
Департамента полиции
№ 8214
7 сентября 1903 г.

Совершенно секретно.
Господину начальнику
Киевского охранного отделения

Препровождаю при сем Вашему Высокоблагородию совершенно доверительно для сведения и соображений копию с полученного агентурным путем письма присяжного поверенного Льва Куперника из Киева от 25 минувшего августа к графу Льву Толстому в Москву.

И.д. Директора (подпись неразборчива) [8].

На втором листе бумаги, прилагаемому к департаментскому письму, излагалось содержание письма Л.А. Куперника к Л.Н. Толстому:

«Копия из полученного агентурным путем письма присяжного поверенного Льва Куперника, г. Киев от 25 августа 1903 г. к графу Льву Николаевичу Толстому, в Москву.

Вы, может быть, читали в «Миссионерском обозрении» статьи Ивана Кронштадтского. Из трех киевских газет они были перепечатаны в одной. Бесстыдное произведение изувера возмутило меня, и я решил написать ему ответ. К моему удовольствию, цензура лишь слегка урезала, но все же пропустила его. Ставлю себе в особую честь доставить Вам мою заметку и позволю себе просить Вас быть столь добрым и прислать мне Ваше «Обращение к духовенству», которое я не смог достать.

Киев, Николаевская ул., д. 9» (л.д. 2).

Именно эти два документа, полученных из Департамента полиции, стали основанием для заведения Киевским охранным отделением оперативного дела № 671, на обложке которого значилось: «Куперник Лев Абрамович – присяжный поверенный. Начато 12 сентября 1903 г.».

Спустя несколько дней пристав Дворцового полицейского участка г. Киева получил из местной охраны совершенно секретное предписание:

Н А Ч А Л Ь Н И К

Совершенно секретно.

Киевского

Охранного Отделения

Г. ПРИСТАВУ ДВОРЦОВОГО

15 сентября 1903 г.

ПОЛИЦЕЙСКОГО г. КИЕВА

УЧАСТКА

№ 1432

Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие собрать негласным путем и сообщить на сем же сведения о личности, знакомстве, родственных связях и сведениях присяжного поверенного Льва К у п е р н и к а, проживающего в доме № 9, по Николаевской улице.

Подполковник *Спиридович*» (л.д. 4).

Почти два с половиной месяца начальник Киевского охранного отделения ожидал ответа на свой запрос и только 5

декабря получил необходимые сведения о Л.А. Купернике. В частности, пристав Дворцового полицейского участка «имел честь сообщить Его Высокоблагородию», что пока удалось установить негласным путем за присяжным поверенным, коммерческим секретарем Львом Абрамовичем Куперником следующие сведения: он мещанин от роду, 50 лет, проживающий в доме № 9, по Николаевской улице, происходит из евреев, но принявший православие, женат на жительнице г. Воронежа Наталии Крашенниковой, происходящей из дворян, имеет дочь Надежду, живущую при нем, а также дочь Анну, которая учится на медицинских курсах Петербургского женского мединститута». Далее сообщались сведения о теще Куперника – Надежде Аполлоновне Крашенниковой, проживающей в Воронеже, его брате, сестре и отце, живущих в Киеве.

Самые ценные сведения, интересующие охранку, содержались в конце доклада, где сообщалось о предписании Киевского полицмейстера от 28 ноября 1893 г., № 2943, в котором говорится, что Л.А. Куперник состоял под негласным надзором полиции, от которого он был освобожден 27 марта 1902 года. Заканчивая свой доклад, пристав явно симпатизировал Льву Абрамовичу: «...Ничего предосудительного, – писал он, – в образе действий Куперника и поведении во время жительства в районе Дворцового участка, не замечен. По своей профессии и выдающейся адвокатской деятельности он часто выезжает из Киева в разные города для защиты судебных дел» (л.д. 4-5).

В 1904 и особенно в 1905 годах Куперник был участником десятков политических процессов. Среди них заслуживает внимания его смелое выступление в защиту матросов миноносца «Прут», которые присоединились к восставшему броненосцу «Потемкин». Слушалось дело 21–30 июля 1905 года в Севастополе. Прокурор, руководствуясь законами военного времени, требовал смертной казни для 22-х обвиняемых моряков. Лев Абрамович искусно построив защиту, спас 18 из них, девяти были назначены мелкие наказания, а 15 получили оправдательные приговоры.

Это было последнее дело Куперника-адвоката. Выезжая из Севастополя домой после окончания процесса, он простудился. Легкое недомогание обернулось тяжелой болезнью, которая привела к летальному исходу. Скончался Лев Абрамович 11 октября (29 сентября) 1905 года, не дожив один день до своего шестидесятилетия. Его многолюдные похороны на кладбище Аскольдова могила в г. Киеве вылились в политическую демонстрацию. Одна из очевидиц тех памятных событий Н.А. Смирнова вспоминала: «Мне впервые довелось видеть такие торжественные похороны» [9].

Литература:

1. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (Юб. изд.). Т. 66. С. 472.
2. Спектор Г. Всех Плевак соперник// Еврейское слово. – 2005. – № 38(261).
3. Троицкий Н.А. Корифеи российской адвокатуры. М. 2006. С. 242.
4. Чисников В.Н. Куперник Лев Абрамович // Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. Вып. 3 / Под общей редакцией Н.И. Бурнашевой. Тула. 2016. С. 281.
5. Троицкий Н.А. «Ставлю себе в особую честь...» // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 216.
6. Там же. С. 215.
7. Гос. музей Л.Н. Толстого. Отд. рукоп. Ф. 1, № 160/64.
8. Дело о сборе сведений и производстве обыска у проживавшего в г. Киеве присяжного поверенного Куперника Л.А. // ЦГИА Украины. – Ф. 275. – Оп. 1. – Д. 228. – Л.д. 1. Далее ссылки на листы этого дела даются в тексте.
9. Смирнова Н.А. Воспоминания. М.: 1947. С. 144.

Веденева Ольга Евгеньевна,
секретарь оргкомитета
Толстовских правовых чтений, к.и.н.

Обзор основных положений статьи профессора Пак Сун Юн «Толстой в Корее». [1]

В связи с 30 –летием дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Кореей было принято решение о проведении Года культурных обменов в 2020 -2021 годах.

Министр культуры РФ В. Мединский и Министр культуры, спорта и туризма Южной Кореи То Чон Хван подписали соответствующий Меморандум. Церемония состоялась в Малахитовом зале

Кремля в присутствии Президентов России и Южной Кореи В. Путина и Мун Чжэ Ина.

«Год культурных обменов представляет собой уникальную возможность создать фундамент для прочного партнерства, основанного на выстраивании долгосрочных отношений и активизации сотрудничества между организациями и учреждениями культуры двух стран», — отмечается в меморандуме. [2]

Туляки не остались в стороне от укрепления двухсторонних связей с Южной Кореей: был подписан договор о дружбе и сотрудничестве между Муниципальным учреждением культуры «Тульская библиотечная система» г. Тула, Российская Федерация и Институтом изучения России и Алтая Государственного университета Чунбук г. Чхонджу, Республика Корея.

Договоры на русском и корейском языках, подписанные директором Института изучения России и Алтая Цой Сон Хо, были доставлены в Россию профессором Пак Сун Юн. Два экземпляра договора отправились в Южную Корею, два остались в МУК ТБС. На их основе осуществляется сотрудничество.

Полномочный представитель Института изучения России и Алтая профессор Пак Сун Юн обучалась в аспирантуре и защищала диссертацию в Пушкинском доме (Институт русской литературы Академии наук, Санкт-Петербург), изучает русскую литературу преимущественно XX века (О.Мандельштам, А.Ахматова).

Летом 2017 года профессор Пак принимала участие в семинаре переводчиков в музее-усадьбе Л.Н.

Толстого «Ясная Поляна», позже выступила с лекцией «Лев Толстой и Корея» на заседании клуба «Яснополянские четверги», ответила на вопросы участников заседания.

Статья «Лев Толстой и Корея» опубликована в сборнике «Материалы XII Международного семинара переводчиков», 2018 год. С некоторыми положениями данной статьи хотелось бы познакомить участников чтений.

Автор на большом документальном материале показывает, что Л.Н.Толстой – один из наиболее популярных иностранных писателей в Корее, причем отношение к его наследию – типичный пример освоения европейской литературы корейцами. Исследования профессора Пак позволяют сделать вывод о том, что Корея знакомилась и с Л.Н. Толстым, и с другими представителями европейской литературы по японским переводам, чему способствовали две причины: Корея (точнее Чосон) в начале XX века продолжала политику изоляции, с другой стороны, с 1910 по 1945 годы страна была колонией Японии, лишенной самостоятельности в том числе и в области

культуры. Для японцев начала века, особенно после русско-японской войны (1904-1905 гг.), Л.Н.Толстой был важен как мыслитель и пацифист прежде всего. Этот подход изначально был характерен и для Кореи, борющейся за свою независимость.

В статье автор рассматривает общие тенденции и особенности восприятия Толстого в Корее.

Корейские переводчики, не знавшие русского языка, 70% литературы переводили с японского. Естественно, освоение наследия русского писателя зависело от переводчиков произведений на корейский язык, от качества их работы. Профессор Пак рассказывает о лучших переводчиках и переводах Толстого, которыми стали талантливые корейские поэты, писатели, журналисты.

Имя Толстого было впервые упомянуто в печати в 1906 году в журнале «Чюньбо» («Утреннее солнце»), где анонимный автор опубликовал заметку «Взгляд графа Дорусотога на парламент своей родины». Имя писателя передано не как Толстой, а Дорусотой, в соответствии с японским написанием.

Чой Нам Сон

Поэт и издатель **Чой Нам Сон** (1890 – 1957) сыграл большую роль в открытии Толстого для Кореи. Знавший японский язык, учившийся в японской школе, поступивший в японский университет, он жадно читал японские переводы русской литературы. Возвратившись в Корею, он начал издавать журнал «Сонён» («Мальчик», «Юность»). Самому издателю было всего 18 лет. В 1908 году в первом номере журнала он упоминает, «что в России живет некий знаменитый Толстой», а в 1909 году на 14 страницах рассказывает о жизни, творчестве и идеях Толстого. Эссе «Поучение великого учителя нашего времени Толстого» с подзаголовком «Евангелие труда» было помещено в разделе

«Новое дыхание молодежи новой эпохи». Цой Нам Сон называет Толстого «самым великим человеком нашего времени», «самой великой личностью после Христа». Цой говорит о Толстом, как о серьезном мыслителе, графе, увлеченном физическим трудом. Коротко характеризует жизнь и творчество писателя, считая «самым высоким произведением» роман «Воскресение». Цой Нам Сон часто использует по отношению к Толстому слово «учитель» как средство выразить свое к нему уважение. Для него и для читающих корейцев Толстой становится прежде всего учителем жизни, философом, размышляющим над общегуманитарными проблемами, затем уже – гениальным писателем.

На страницах журнала Цой Нам Сон публикует переводы народных рассказов Толстого, при этом заменяя русские имена корейскими.

Цой выпустил отдельный номер журнала, посвященный кончине Толстого, где были опубликованы стихотворение-соболезнование, краткая биография и список произведений Толстого, переводы некоторых сказок. Один из корейских исследователей полагает, что «Толстой, с которым встретился Цой Нам Сон, - это Толстой, облеченный дискуссиями японского общества».

В Корее с 1895 по 1919 гг. было опубликовано 61 переведенное на корейский произведение европейских авторов, из них 11 Толстого.

Естественно, что имя Толстого – просветителя и мыслителя – чаще всего упоминается в просветительских журналах, адресованных молодому поколению. Толстовство подвергалось критике из-за его радикального альтруизма и анархизма.

В 10 годы XX столетия Толстого начинают воспринимать и как писателя. В 1914 и 1918 гг. опубликованы краткое содержание романа «Воскресение» под названием «Возрождение» и сокращенный вариант романа под названием «Шиповник» с подзаголовком «Печальная история Катюши» (перевод - Пак Хен Хван, предисловие - Цой Нам Сон).

В 1920-е годы обратили внимание и на особенности художественного взгляда Толстого: был опубликован

сравнительный анализ творчества Толстого и Достоевского, в следующем году – конспект эссе «Что такое искусство?»

В эти годы меняется отношение к идеям Толстого. Под воздействием движения за независимость Кореи от Японии стали вновь обращаться к идеям Толстого о непротивлении злу насилием, писать о гуманизме толстовства. От критики – к поддержке. Толстовство привлекало внимание интеллигенции Северо-Восточной Азии первой половины XX века как источник мудрости и сочувствия в тяжелых исторических условиях.

Толстой был популярен в народе благодаря спектаклям по его произведениям. Особенно большую популярность получили спектакли по роману «Воскресение». В 1915 году впервые в Корее японская труппа показала спектакль по этому роману, в следующем году его поставила уже корейская труппа. Можно сказать, что корейская публика познакомилась с «Воскресением» сначала как со спектаклем, а не как с романом. Переведенный роман «Шиповник» издавался трижды, имя Катюша было популярно как символ бессмертной любви, а не как имя персонажа.

В 20-е годы были опубликованы пьесы Толстого и полный текст романа «Воскресение» (переводчик Чхун Ке Сэн). Благодаря смягчению цензуры опубликовали «Исповедь» Толстого (1921 г.) в переводе поэта и литературного критика Ким Ока, «Власть тьмы» в переводе знаменитого корейского писателя **Ли Кван Су** (1923 г.), «Живой труп» в переводе поэта и драматурга **Чо Мён Хи** (1924 г.), который эмигрировал в Россию в 1928 г. и через десять лет был расстрелян за

Ли Кван Су

«контрреволюционную и прояпонскую деятельность», «Чем люди живы» в переводе новеллиста и журналиста На До Хяна (1925 г.).

Чо Мён Хи

Мировоззрение Ли Кван Су формировалось под влиянием взглядов Толстого на искусство. Пьесу «Власть тьмы» он переводил с английского (частично – с русского), а не с японского. Смог полностью перевести произведение, используя русские имена и названия, выразительно передать корейским читателям жизнь и эмоции русского народа с помощью

простой корейской народной речи. Пьеса была переведена для

постановки спектакля, но увидеть ее на сцене смогли только в 1931 году в урезанном виде.

В первой половине XX века, в мрачные времена японской колонизации, корейские переводы произведений Толстого не отличались высоким качеством и выполнялись с японского, английского или китайского, а не с русского, были неполными по вине цензуры. С 30-х по 50-е годы XX века произведения русских писателей (в т.ч. Толстого) не могли активно переводиться в силу объективных причин: японской колонизации, затем войны. Исключением стал перевод «Воскресения» в 1947 году в издательстве «Тэсон» Ли Сок Хуном, одним из русистов первого поколения, получивших образование в Японии.

Тем не менее интерес корейского народа к Толстому возрастал: газеты и журналы публиковали статьи о жизни, творчестве, мировоззрении писателя, стали известны его произведения «Хаджи-Мурат», «Три смерти», «Сказка об Иване-дураке» и др. Особенно большое количество статей о Толстом и всем, что с ним связано, было опубликовано в 1935 году в связи с 25-летием со дня смерти писателя. Толстой воспринимался как «солнце русской литературы» либо подвергался критике из-за толстовства, что случалось гораздо реже.

По окончании корейской войны вновь начали публиковать переводы романов Толстого. «Война и мир» была опубликована почти одновременно в Южной и Северной Корее в 1954-1956 гг. Первый перевод романа «Анна Каренина» появился в 1959 году в издательстве «Чханванса» в переводе Ли Хо Чхоль и Цой Сан Кю.

Со временем качество переводов становилось лучше: в Корее постоянно росло количество русистов, они переводили произведения Толстого непосредственно с русского языка, появилось множество переводов одних и тех же произведений. Ведущие издательства в 60-70-е годы выпустили несколько сборников сочинений Толстого: 8-томник издательства «Самгукмунхваса», 1966; 9-томник того же издательства, 1970; 8-томник издательства «Самджон», 1971-1973 и его переиздание издательством «Техо», 1981. Издательство «Чакгадджонсин» («Душа писателей») к столетию со дня кончины писателя выпустило полное собрание художественных произведений Толстого в переводах корейских русистов второго и третьего поколений.

В настоящее время публикуются произведения Толстого в переводах специалистов по русскому языку и литературе, а также переводчиков с английского, иногда используемого как язык-посредник. Многие исследователи сегодня активно изучают историю восприятия Толстого в Корее, что можно рассматривать как косвенное подтверждение популярности писателя.

В XXI веке Толстой также любим корейскими читателями: интернет-магазины предлагают тысячи изданий автора. Сегодня внимание читателей привлекает роман «Анна Каренина» и народные сказки и притчи Толстого. Корейская публика воспринимает Толстого как писателя-романиста и философа-мудреца, проясняющего смысл жизни и рассказывающего поучительные истории.

Литература:

1. Материалы XII Международного семинара переводчиков, [25-29 августа 2017 года] [Текст] / [редактор-составитель - Галина

Алексеева]. - Тула : Музей-усадьба Л. Н. Толстого "Ясная Поляна", 2018. - С. 99 – 112.

2. Электронный ресурс: <https://edu.ru/news/culture/2020-god-stanet-godom-kulturnyh-obmenov-rossii-i-k/>

.

К вопросу о первоисточнике публикации речи Л.Н. Толстого в защиту рядового Василия Шабунина.

Под впечатлением от просмотра фильма режиссёра Авдотьи Андреевны Смирновой «История одного назначения», (2018 г.) [1, с.32.] у меня зародилась мысль написать статью об этом случае из биографии великого русского писателя Льва Николаевича Толстого, где он неожиданно для себя стал защитником рядового Василия Николаевича Шабунина¹[2, с. 5-62; 3, с.1-72.] на военном суде, прошедшем с 16.07. по 17.07.1866 г. в нескольких верстах от «Ясной Поляны» в селении Ясенки Тульской губернии.

При изучении историографии данного дела, выяснилось, что судебная речь, произнесённая на военно-полевом суде Л.Н. Толстым в защиту рядового Василия Шабунина (не сохранившаяся, к сожалению, в его личном архиве), была всё же записана неизвестным лицом, по моему мнению, владевшим стенографией, и впервые им опубликованная в местной газете – «Тульском Справочном Листке» за 1866 год в №33 от 21 августа. [4, с. 385.]

Я полагал, что именно из этого первоисточника записанная неизвестным лицом речь Л.Н. Толстого и была перенесена в 37 том Полного собрания сочинений. [5, с. 473-477.] Предполагалось первоначально, что при изучении данного факта из жизни великого писателя нам не удастся найти ничего нового, так как он полностью изучен в отечественном литературоведении и историко-правовой науке. Но, в действительности оказалось, что это не совсем так.

Соглашаясь с мыслью российского историка Н.А. Троицкого, верно заметившего, что «история отечественной адвокатуры должным образом ещё не отметила факт, который украшает её: 16 июля 1866 г. на заседании военно-полевого суда по делу рядового Василия Шабунина, оскорбившего действием офицера,

выступил как защитник – единственный раз в своей жизни – Лев Толстой»,[6, с. 199] мы и предпринимаем данное исследование как дань уважения профессиональному этосу и традиции, гуманности писателя, заметившего, что и солдат - человек, попавший в беду, захотевшего помочь избежать смерти. Тем более, что в этом году исполняется 155 лет этому трагическому событию, затронувшему человеческий мир и душу писателя, трудившегося в то время над созданием романа «Война и мир». Безусловно и то, что эта защита очень повлияла на писателя. Именно после неё, получив определённый и даже отрицательный опыт, он смог заметить: «Я не могу, когда я стою на суде защитником обвиняемого, перестать говорить или знать то, что я буду говорить».[7, столб. 526-527.] И ещё из ответа П.И. Бирюкову: «Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неуспехи в литературе, даже потеря близких людей».[8, с. 67.] Как известно, рукописный текст самой судебной речи Л.Н. Толстого в его архиве не найден. [9, с.153] До сих пор считалось, что не сохранился её текст, опубликованный в газете «Тульский справочный листок».[10] Личный биограф писателя Бирюков опубликовал эту речь в своей книге,[11, с. 84-92.] сославшись на газету «Право».[12, с. 2016.] Из книги Бирюкова эта речь со всеми неточностями вошла в 37 том ПСС Л.Н. Толстого.[13, с. 473-477.]

На основании изложенного и в связи с тем, что Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) [14] готовится к изданию 100-томное собрание сочинений Л.Н. Толстого, я предлагаю, чтобы его речь в защиту Василия Шабунина (т. 37, с. 473-477) была сверена с первоисточником, то есть аутентичным текстом, находящимся в найденной мною газете «Тульский Справочный Листок» за 1866 год в №33 от 21 августа из фондов Библиотеки АН России. [15, с.1-4;16, с. 208.]

Полученный мной из БАН России скан, я дарю музею-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

Искренно благодарю за творческую подсказку Галину Васильевну Алексееву, заведующую научно-исследовательским отделом музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», сотрудников Газетного фонда, Справочно-библиографического отдела и Службы электронной доставки документов БАН России и мою жену Надежду Владимировну Коранову (Сурмачеву), без их помощи и поддержки я бы не смог это осуществить.

Примечания:

¹*Правильно Шабунин, а не Шубинин (как указано в газете: «Внутренние известия». 08.09. // Весть. СПб., 1866, №70, с.3. – О. С.) или Шибунин, как указано в ПСС Л.Н. Толстого.*

Фамилию Шибунин впервые опубликовал в своей статье Н П..Овсянников. // Овсянников Н. Эпизод из жизни графа Л.Н. Толстого. // Русское обозрение. М., 1896, №11, с.6.

За ним последовал и П.И. Бирюков, хотя в газете «Право» за 1903 г. фамилия была указана верно. Лев Николаевич Толстой: биография / сост. П. Бирюков по неизд. материалам (воспоминания и письма Л. Н. Толстого). - Москва: Посредник, 1908, Т. 2. – с. 82-104.

Фамилия писаря Шабунин, а не Шибунин, как было напечатано во втором томе «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым. Подлинное «военно-судное дело» Шабунина хранится в Военно-историческом архиве в Москве (1866 г., № 101).

Мы пользовались предоставленной автором в наше распоряжение неопубликованной статьёй Н. Н. Арденса, основанной на данных этого дела – «Василий Шабунин и Л. Н. Толстой». //Гусев, Николай Николаевич Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957, с. 658-663.

Хотя историк С.А. Экинут ставит себе в заслугу роль первооткрывателя военно-судного дела Шабунина в РГВИА. См.: Экинут С.А. Казнь рядового Шабунина. Почему деятели культуры – от Льва Толстого до современных режиссёров сделали из пьяного преступника жертву режима. // Родина. М., 2020, №3, с. 46-53. (Заслуга С.А. Экинута, в том, что ему

удалось найти там же дело в Ф.400. Оп.12. Д.5420. «По рапорту Рязанского губернского воинского начальника об увольнении от службы капитана Ясевича».

1. Архангельский А. На высоте поражения: в прокат на этой неделе выходит фильм Авдотьи Смирновой «История одного назначения» – о том, как Лев Толстой пытался спасти солдата от смертной казни. 3.09. // Огонек. Москва, 2018.– № 33.
2. Овсянников Н. Эпизод из жизни графа Л.Н. Толстого. // Русское обозрение. Москва, 1896, №11.
3. Овсянников, Николай Петрович. Эпизод из жизни Л.Н. Толстого. Москва: Посредник, 1912.
4. Толстой, Лев Николаевич. Полное собрание сочинений: [Юбилейное издание 1828-1928]. Т. 48-49. [Дневники и записные книжки, 1858-1880; Записки христианина, дневники и записные книжки 1881-1887 / Авторы предисловия Н. Гудзий, Н. Родионов, с. V-XXIV]. – М. : Гослитиздат, 1952.
5. Толстой, Лев Николаевич. Полное собрание сочинений: [Юбилейное издание 1828-1928]. Т. 37. [Произведения, 1906-1910 / Подготовка текста и автор комментария В.С. Мишин и др.; Автор предисловия Б.Мейлах]. – М.: Гослитиздат, 1956.
6. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. Тула, 2000.
7. Граф Лев Толстой. Несколько слов по поводу книги: «Война и мир». // Русский Архив, издаваемый при Чертковской библиотеке. Москва, 1868, №3.
8. Толстой, Лев Николаевич. Полное собрание сочинений: [Юбилейное издание 1828-1928]. Т. 37. [Произведения, 1906-1910 / Подготовка текста и автор комментария В.С. Мишин и др.; Автор предисловия Б.Мейлах]. – М.: Гослитиздат, 1956.
9. Толстая С.А. Моя жизнь. Москва, 2011, Т. 1.
10. Мною были сделаны запросы на отыскание Тульского Справочного Листка за 1866 год за №33 в РГБ, РНБ (есть подшивки газеты за 1864 и 1865 годы, а за 1866 год

подшивки не выявлено), Тульскую областную научную библиотеку, Государственный архив Тульской области, ГУК ТО «Тульское музейное объединение», Национальную библиотеку Финляндии, Библиотеку МГУ, Государственный музей Л.Н. Толстого (ГМТ), Музей-усадьбу Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», но везде получил отрицательный ответ. Галина Васильевна Алексеева, заведующая научно-исследовательским отделом музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», в телефонном разговоре проинформировала меня о том, что в электронном каталоге музея нет искомого издания, и посоветовала обратиться в Библиотеку АН России, что я и сделал. Мои два электронных запроса долго оставались без ответа, затем я сделал телефонный звонок, и мне посоветовали сделать запрос по интересующему меня изданию на электронный адрес директора библиотеки. «Здравствуйте, Ваш заказ принят в обработку. Пожалуйста, ожидайте ответ. По всем возможным вопросам, связанным с данным заказом, просим обращаться по следующему адресу: banedd@rasl.nw.ru; С уважением, Служба ЭДД БАН banedd@rasl.nw.ru ; From: Олег Сурмачёв [<mailto:mail@surmachev.ru>] Sent: Tuesday, March 23, 2021 1:28 PM Subject: Адвокат Олег Сурмачёв приветствует БАН РФ! Здравствуйте, уважаемая Библиотека! Меня интересует: Есть ли у вас в газетном фонде дореволюционное региональное издание: Тульский справочный листок. Тула, 1866, №33 от 21.08.1866 г. Если это издание и этот номер сохраняются в Вашей библиотеке, тогда бы я хотел заказать скан одной статьи из неё. Информация связана со Львом Николаевичем Толстым. С уважением, Олег Сурмачёв.» 24.03.2021 г. мне ответили: «Здравствуйте, Олег. Статья найдена, стоимость заказа составляет: 845р.00к. Копии выполняются в формате PDF. Для получения копий необходимо предварительно подтвердить и оплатить заказ в течение 5 дней, в противном случае он

аннулируется. Электронные копии изготавливаются и отправляются заказчику электронной почтой по факту поступления средств на расчетный счет БАН. Заказчик может отправить копию банковской квитанции по факту оплаты - это может помочь сократить время выдачи заказа. Файл с реквизитами — в приложении. С уважением, Служба ЭДД БАН banedd@rasl.nw.ru»; 25.03.2021 г. я получил скан всей газеты. «Здравствуйте, Олег Григорьевич. Высылаем электронную копию по Вашему заказу. Просим подтвердить получение. В работе над Вашим заказом принимали участие сотрудники Газетного фонда, Справочно-библиографического отдела и Службы электронной доставки документов БАН. С уважением, Служба ЭДД БАН banedd@rasl.nw.ru».

11. Бирюков П.И. Лев Николаевич Толстой: биография / сост. П. Бирюков по неизд. материалам (воспоминания и письма Л. Н. Толстого). - Москва: Посредник, 1908, Т. 2. (Бирюков в своей книге на стр.92, сделал ссылку на газету «Право» за 1903, указав стр.2016; с. XVI: Библиографический указатель.10. Речь Л.Н. Толстого на военно-полевом суде. Журн. «Право» 1903 г., стр.2016».)
12. Ипполитов М. Судебная речь Л.Н. Толстого. 24.08. // Право. Еженедельная юридическая газета. Санкт-Петербург, 1903, №35, столбцы: 2013–2021.(Здесь приводится весь текст, так как М. Ипполитов утверждает, что пользовался подлинным экземпляром газеты от 21.08. Тульский справочный листок. Тула, 1866, за №33, но название публикации, авторство, нумерация её страниц, к сожалению, им не даны.) Настоящая фамилия публикатора *М. Ипполитов* нами атрибутирована по: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных. 2-е изд. Петроград, 1915, т. I, Вып.1-3, с.ХХV, №839 (Ганфман, Максим Иппол.), с. 325: Ипполитов, М.И., сотруд. Сборника «Нужды Деревни», псевд. М.И. Ганфмана.)
13. Толстой, Лев Николаевич. Полное собрание сочинений: [Юбилейное издание 1828-1928]. Т. 37. [Произведения,

- 1906-1910 / Подготовка текста и автор комментария В.С. Мишин и др.; Автор предисловия Б.Мейлах]. – М.: Гослитиздат, 1956.
14. (<https://tsput.ru/res/other/Tolstoy/Review/review.htm> дата обращения 26.03.2021 г.)
15. Текст без заглавия, автор не указан. // Тульский справочный листок. Тула, 1866, №33.
16. Лисовский, Николай Михайлович. Библиография русской периодической печати, 1703-1900 гг.: [Материалы для истории русской журналистики: В 2 т.]. – [Репринт.изд.] 1915 г.. – М.: Литературное обозрение, 1995 – Выходные данные оригинала: Пг.: Тип. АО тип. дела. Т.1. (Тульский справочный листок – издавался в г. Туле еженедельно, с 7 ноября 1864 по 1866 г. Издатели-редакторы: Н. Соколов, а с 25 № К. Жижин. Издание началось 7-го ноября 1864 г. Вышли в свет: в 1864/65 г. №№ 1–38, в 1866 г. №№ 1–39.

Приложение.

Речь Л.Н. Толстого на военно-полевом суде, сказанная им 16.07.1866 г. в защиту рядового Василия Шабунина приведена нами по первоисточнику – газете Тульский Справочный Листок. Тула, 1866, №33, от 21.08. опубликованная на стр. 2-3. (С небольшими изменениями с учётом современной орфографии.)

с. 2: «Рядовой Василий Шабунин, обвиняемый в умышленном и сознательном нанесении удара в лицо своему ротному командиру, избрал меня своим защитником; и я принял на себя эту обязанность, не смотря на то, что преступление, в котором обвиняется Шабунин, есть одно из тех,—

которые, нарушая связь военной дисциплины, не могут быть рассматриваемы с точки зрения соразмерности вины с наказанием и всегда должны быть наказываемы; я принял на себя эту обязанность, несмотря на то, что обвиняемый сам написал своё сознание, и потому факт, устанавливающий его виновность, не может быть опровергнут и, не смотря на то, что он подвергается 604 ст. Полев. Уголов. Суда, который определяет только одно наказание за преступление, совершенное Шабуниным – наказание это – смерть и потому казалось бы, что участь его не может быть облегчена. Но я принял на себя его защиту, потому, что наш закон, написанный в духе предпочтительного помилования 10 виновных перед наказанием одного невинного, предусматривает всё в пользу милосердия и не для одной формальности определяет, что ни один подсудимый не входит в суд без защитника, следовательно без возможности, ежели не оправдания, то смягчения наказания. В этой уверенности на формальность, я приступаю к своей защите. По моему убеждению, обвиняемый подлежит по статьям 109 и 116, определяющим уменьшение наказания по доказанной тупости и глупости преступника и невеняемости по доказанному умопомешательству.

Шабунин не подвержен постоянному безумию, очевидному при докторском освидетельствовании; но душевное

состояние его находится не в нормальном положении; он душевно больной, лишённый одной из главных способностей человека – способности соображать последствия своих поступков. Ежели наука о душевных болезнях не признала этого душевного состояния болезнью, то я полагаю, прежде чем произносить смертный приговор, мы обязаны взглянуть пристальнее на это явление и убедиться, есть ли то, что я говорю – пустая оговорка защитника или действительный несомненный факт. Состояние обвиняемого есть с одной стороны крайняя глупость, простота и тупость, предвиденные в ст. 109 и служащие поводом уменьшения наказания; с другой стороны, в известные минуты под влиянием вина, возбуждающего к деятельности – состояние умопомешательства, предвиденное ст. 116. Вот он стоит перед Вами с опущенными зрачками глаз, с равнодушным, с покойным и тупым взглядом, ожидая приговора смерти; ни одна черта не дрогнет на его лице, ни во время допросов, ни во время моей защиты, как не дрогнет она и во время объявления смертного приговора и даже в минуту исполнения казни. Лицо это неподвижно, не вследствие усилия над собой, но - вследствие полного отсутствия духовной жизни в этом несчастном человеке. Он душевно спит теперь, как он и спал всю свою жизнь; он не понимает значения совершённого им преступления так же, как и последствий, ожидающих его.

Шабунин мещанин, сын богатых, по его состоянию, родителей; он был отдан учиться сначала, как он говорит, к немцу, потом в рисовальное училище. Выучился ли он чемунибудь, нам неизвестно, но надо предполагать, что учился он плохо, потому, что ученье его не помогло ему дать средства откупиться от военной службы. В 1855 году он поступает на службу и вскоре, как видно, из послужного списка, бежит, сам не зная куда и для чего, и вскоре также бессознательно возвращается из бегов. Через несколько лет Шабунин приводится в унт. оф., как надо предполагать, единственно за своё умение писать, и в продолжении всей своей службы

занимался только по канцеляриям. Вскоре после своего производства в унтер-офицеры, Шабунин вдруг без всякой причины теряет все выгоды своего положения на службе, вследствие самого бессмысленного, ничем необъяснимого поступка: он тайно уносит у своего товарища ни деньги, ни какую либо ценную вещь, даже не такую вещь, которая может быть скрыта, но казённый мундир и тесак, и пропивает их. Не полагаю, чтоб эти поступки, о которых мы узнаём из послужного списка Шабунина, могли служить признаками нормального душевного состояния подсудимого. Подсудимый не имеет ни каких любимых им занятий, ни каких вкусов и пристрастий; ничто не интересуется его. Как только он имеет деньги и время, он пьёт вино и ни в компании товарищей, а один, как мы видим это из самого обвинительного акта. Он делает привычку к пьянству со второго года своей службы, и пьёт так, что, выпивая по два штофа водки в день, не делается оживлённее и веселее обыкновенного, а остаётся таким же, каким вы его теперь видите, только с потребностью большей решительности и предприимчивости и с ещё меньшей способностью сообразительности. Два месяца тому назад Шабунин переводится в москов. полк, и определён писарем во 2-ю роту. Болезненное душевное состояние его с каждым днём ухудшается и доводит его до теперешнего состояния. Он доходит до совершенного идиотизма; он носит на себе только облик человека, не имея никаких свойств и интересов человечества.

Целые дни, в 30 градусные жары, эта – физически здоровая сангвиническая натура сидит безвыходно в душной избе и пишет безостановочно целые дни какие нибудь – один, два рапорта и вновь переписывает их. Он пишет так много потому, что сам бестолков, а ротный командир требователен и аккуратен. Все интересы Шабунина сосредоточены на словах рапортов и на требованиях ротного командира. Бессмысленно для него тянущиеся целые дни, не дают ему иногда времени пообедать и выспаться; работа не тяготит его, но только приводит в большее и большее состояние

отупения. Но он доволен своим положением и говорит своим товарищам, что ему значительно легче и лучше служить здесь, чем в лейб-екатеринославском гренадёрском полку, из которого он переведён. Он тоже не имеет причины жаловаться на своего ротного командира, который говорил ему же раз: (так передал мне сам Шабунин) «коли не успеваешь, возьми ещё одного или двух писарей». Дни его проходят в канцелярии или в сенях ротного командира, где он по долгу дожидается, или в одиноком пьянстве. Он пишет и пьёт, и душевное состояние его доходит до крайнего расстройства. В это-то время в его отуманенной голове возникает одинокая мысль, относящаяся до той узкой сферы деятельности, в которой он вращается и получает силу и упорство пункта помешательства. Ему вдруг приходит мысль, что ротный командир ничего не понимает в делах, в искусстве написать рапорт, которым гордится каждый писарь, что он знает лучше, как написать, что он пишет хорошо, отлично напишет, а ротный командир, не зная дела, заставляет переправлять и переписывать и, портя самое дело, прибавляет ему работы, не дающей иногда времени и заснуть, и пообедать. И эта одинокая мысль, запавшая в расстроенную вином, отупевшую голову, под влиянием раздражения оскорблённого самолюбия, беспрестанных повторений тех же требований со стороны ротного ком. и постоянного сближения с ним;— эта мысль и вытекающее из неё озлобление получает в больной душе подсудимого силу страстного пункта помешательства.

с. 3: Спросите у него, почему и для чего он сделал свой поступок; он скажет вам, (и это единственный пункт, о котором *он, приговаривающийся к смерти человек, говорит с одушевлением и жаром*) он скажет вам, как написал в своём показании, что побудительными причинами к его поступку были частые требования рот. ком. переделывать бумаги, в которых будто бы он, ротный ком., менее понимал толку, чем сам Шабунин, или скажет, как он сказал мне на вопрос — почему он совершил своё преступление? Он скажет: *«по*

здравому рассудку я решил, потому что они делов не знают, а требуют, мне и обидно показалось».

«И так, М.Гг., единственная побудительная причина совершённого преступления, наказываемая смертию, была та, что подсудимому казалось обидно и оскорбительно переделывать писанные им бумаги по приказаниям начальника, понимавшего в делах менее чем он сам. Ни следствие, ни суд, ни наивное показание Шабунина не могли открыть других побудительных причин. А потому возможно-ли предположить, чтобы человек, находящийся в обладании своих душевных способностей, из за того, что ему обидно показалось переписывать рапорты, решился на тот страшный поступок, как по существу своему, так и по последствиям. Такой поступок и вследствие таких причин мог совершить человек только одержимый душевной болезнью – и таков обвиняемый. Ежели медицинское свидетельство не признаёт его таковым, то только потому, что медицина не определила этого состояния отупения в соединении с раздражением, производимым вином. Разве в здравом уме находится тот человек, который перед судом, ожидая приговора смерти, с увлечением говорит только о том, что его писарское самолюбие оскорблено рот. командиром, *что он не знает, а велит переписывать*; разве в здравом уме находится тот человек, который, зная грамоте и зная закон, пишет на себя то сознание от 6 и 7 числа, которое мы сей час слышали, сознание в котором, как бы умышленно, он безвыходно отдаётся смерти. Сознание это очевидно бессмысленно списано его рукой с тех слов, которые за него говорили следователи и которые он подтверждал словами: *точно так, ваше благородие*, которыми он и теперь готов бессмысленно и бессознательно подтвердить всё то, что ему будет предложено. Во всей Российской Империи не найдётся, верно, ни одного, не только писаря, но безграмотного мужика, который бы на другой день преступления дал такое показание. И что могло побудить грамотного человека дать это показание? Ежели бы он был не идиот, он бы понимал, что сознание его не

может уменьшить его наказания. Раскаяние тоже не могло вызвать это сознание, так как преступление его такого рода, что оно не могло произвести в нём тяжёлых мучений совести и потребности облегчения чистосердечным признанием. Подобное сознание мог сделать только человек вполне лишённый способности соображения последствий своих поступков, т. е. душевно больной. Сознание Шабунина служит лучшим доказательством болезненности его душевного состояния. Наконец, разве в здравом уме тот человек, который совершает своё преступление при тех условиях, при которых совершил его Шабунин? Он писарь, он знает закон, казнящий смертью за поднятие руки против начальства, тем более должен бы знать этот закон, что за несколько дней перед совершением преступления, он собственноручно переписывает приказ по корпусу о расстреливании рядового за поднятие руки против офицера и, не смотря на то, он, в присутствии фельдфебеля, солдат и посторонних лиц, совершает своё преступление. В поступке подсудимого не видно не только умышленности, не только сознательности, но очевидно, что поступок совершён при отсутствии душевных способностей, в припадке бешенства или безумия. Постоянно занятый одним делом переписки и связанный с ним мыслью о сильной обиде и незнании порядков ротного ком., он, после бессонной ночи и выпитого вина, сидит один в канцелярии над бумагами и дремлет с тою же неотступною мыслию, равняющеюся пункту помешательства, об оскорбительной требовательности и незнании дела рот. ком., как вдруг входит сам рот. ком., лицо, с которым связан ближе всего его пункт помешательства, лицо, против которого направлено его озлобление, усиленное в одиночестве выпитым вином, и лицо это делает ему вновь упрёки и подвергает его наказанию. Шабунин встаёт, ещё не очнувшись от дремоты, не зная где он, и что он совершает поступок, в котором он отдаёт себе отчёт уже гораздо после его совершения. Прошедшее Шабунина, его вид и разговор доказывают в нём высшую степень тупоумия, ещё усиленного постоянным

употреблением вина; показание же его, как бы умышленно увеличивающее его вину, а главное самое преступление, совершённое при свидетелях и в сопровождении бессмысленности, доказывает, что в последнее время к общему состоянию идиотизма присоединилось ещё состояние душевного расстройства, которое, ежели не подлежит докторскому свидетельствованию, как безумие, тем не менее не может не быть принято, как обстоятельство, уменьшающее виновность.

По ст. 109 Шабунин подлежит уменьшению наказания вследствие своего очевидного идиотизма.

Сверх того по исключительному состоянию душевного расстройства, хотя в строгом смысле и не подходящего под статью 116, Шабунин по смыслу этой ст. подлежит облегчению наказания. Но ст. 604 определяет за преступление, совершённое Шабун., только одно наказание – смерть. И так суд поставлен в необходимость, либо безусловно применив к настоящему случаю ст. 604, тем самым отступить от смысла ст. 109 и 116, полагающих облегчения наказания, при нахождении преступника в тех ненормальных душевных условиях, в которых находится Шабунин, либо применив ст. 109 и 116, уменьшающие наказания, тем самым изменить смысл ст. 604. Последний выход из этого затруднения я полагаю более справедливым и законным, на том основании, что уменьшение наказания в случаях, определённых ст. 109, относятся ко всем последующим статьям, и потому к ст. 604, о исключении которой ничего не сказано.

Суд в настоящем случае противоречия между статьями 109, уменьшающей наказания, и 604, полагающей только одно наказание, имеет только два выбора – отступить от буквы ст. 109 или от буквы ст. 604.

Для решения в этом выборе суд может руководствоваться только духом всего нашего законодательства, заставляющим всегда весы правосудия склоняться на сторону милосердия и смыслом ст. 81, которая говорит, что

суд должен оказывать себя более милосердным, нежели жестоким, памятуя, что и судьи – человеки.

С этим высоким и строгим напоминанием закона подсудимый предоставляет свою участь решению правосудия».

Оглавление

Вступление	3
Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна»	4
Оккупация (29 октября -14 декабря 1941 года)	12
Гриценко Е.П. Право человека на жизнь. Деятельность Л. Н. Толстого и его семьи по борьбе с голодом.....	23
Фомин О.Е., Фомина И.Р. Л.Н. Толстой и российская правовая действительность второй половины XIX века.....	29
Осипов М.Ю. Сравнительная характеристика взглядов В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого на право.....	34
Полонская И.Е. Война и патриотизм в жизни и творчестве Толстого	39
Гертье С., Хохлова А. Образ русского солдата: от Л. Н. Толстого до наших дней.....	51
Чисников В.Н. «Ставлю себе в особую честь...» (Лев Толстой и киевский адвокат Л.А. Куперник)	56
Веденеева О.Е. Обзор основных положений статьи профессора Пак Сун Юн «Толстой в Корее».	67
Сурмачёв О.Г. К вопросу о первоисточнике публикации речи Л.Н. Толстого в защиту рядового Василия Шабунина.....	75
Приложение. Речь Л.Н. Толстого на военно-полевом суде, сказанная им 16.07.1866 г. в защиту рядового Василия Шабунина.....	82